

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна Ниж. Церк.-Общ. Вѣстника: годовая 5 руб., полугодовая 3 руб., за 1 мѣс. 50 коп., съ доставкой и пересылкой; за отдѣльный № — 15 коп.

Цѣна за помѣщеніе объявленій: на 1-й страницѣ 20 коп. за мѣсто, занимаемое строкою петита; на послѣднихъ страницахъ—10 коп.; повтореніе—по соглашенію; разсылка готовыхъ объявленій вѣсомъ не болѣе 1 лота 5 руб. съ тысячи.

Подписка принимается въ конторѣ Редакціи-при Домѣ Братства Св. Георгія; открыта въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ отъ 1 ч. до 2 ч. по-полудни и отъ 7 ч. до 8 веч. Квартира редактора. Б. Солдатская, д. № 18,—пріемъ ежедневно отъ 2 до 3 ч. по-полудни.

№ 40-й.

Доставленные въ Редакцію рукописи подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ Редакціи 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію, мелкія-же изъ нихъ уничтожаются немедленно.

Письменные объясненія по поводу корреспонденцій и статей, неудобныхъ къ печати, для Редакціи не обязательны.

Рукописи, доставляемые безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе Редакціи.

СОДЕРЖАНІЕ: Миссіонерскіе курсы, какъ первое изъ средствъ усилить нашу миссію и дать ей правильную, твердую организацію. — Какъ смотрѣть на „освободительное движеніе“ съ христіанской точки зрѣнія?—Открытое письмо о. протоіерею М. Р. Кудрявцеву.—Блестки и изгарь. — Хроника мѣстной епархіальной и общей церковной жизни.—Изъ общественной жизни.—Письмо въ редакцію.—Важнѣйшія телеграфныя извѣстія.—Официальныя извѣстія по епархіи.

Миссіонерскіе курсы, какъ первое изъ средствъ усилить нашу миссію и дать ей правильную, твердую организацію.

Второй годъ дѣйствуетъ у насъ новый законъ о вѣротерпимости; второй годъ пошелъ, какъ палъ законъ, охранявшій немощныя души отъ соблазна лжеученій. Озирая мысленно огромную лѣтопись событій, случившихся въ русской церковной жизни въ такой маленькій періодъ, какъ одинъ годъ, невольно вспоминаешь предсказанія зорко стоящаго на стражѣ нашей миссіи „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, одинъ изъ сотрудниковъ котораго*) незадолго до указа 17 апрѣля писалъ: „врата адава раскроются вскорѣ во всю свою ширь. Расколъ и дикія еретическія секты хлынутъ темною лавой изъ этихъ вратъ во дворъ церковный, и, Богъ знаетъ, сколько въ немъ останется претерпѣвшихъ до конца испытаніе вѣры“...

Годъ только прошелъ, а предсказаніе уже начинается сбываться. Инославіе, секты и расколы ведутъ открытую и ожесточенную войну съ православіемъ, такъ сказать, по всей линіи и пока съ большимъ успѣхомъ.

Бывшіе уніаты массами возвращаются въ католичество. Массовый переходъ изъ православія въ католичество совершился на протяженіи всего западнаго и сѣверо-западнаго края.

Въ Прибалтійскомъ краѣ многіе исконно-русскіе перешли изъ православія въ протестантство.

Сектантство во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ обнаруживаетъ прямо-таки бурную жизнѣдѣтельность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить хотя бы грандіозный Ново-Астраханскій молоканскій съѣздъ, на которомъ собрались представители изъ всѣхъ внутреннихъ губерній и Поволжья, изъ Кавказа и Закавказья, Терской и Кубанской областей и даже

изъ Румыніи, Германіи, Австріи и Америки, на открытіи котораго былъ даже таврической губернаторъ, какъ бы для того, чтобы ярче подчеркнуть смыслъ и значеніе этого молоканскаго движенія.

Нашъ расколъ не отстаетъ отъ сектъ и инославія въ умѣннѣ использовать выгоды своего новаго положенія. Въ особенности это нужно сказать объ австрійщинѣ. Основаніе своихъ печатныхъ органовъ, съѣзды миссіонеровъ, выработавшіе новыя и широкія программы миссіонерской дѣятельности въ борьбѣ съ православіемъ, ежегодные всероссійскіе съѣзды австрійцевъ—все это свидѣтельствуетъ о кипучей жизнѣдѣтельности австрійщины и служитъ ручательствомъ, что австрійцы въ борьбѣ съ православіемъ не отступятъ до тѣхъ поръ, пока самымъ энергическимъ образомъ не используютъ всѣхъ силъ и средствъ въ этой борьбѣ. Теперь уже явственно слышится въ австрійщинѣ тенденція стать на мѣсто православія. Основаніемъ ихъ надежды пріобрѣсти себѣ такое положеніе служитъ какъ мнимая полнота и каноничность ихъ священства, такъ и увѣренность въ томъ, что ихъ іерархія, какъ духовно-культурная сила, болѣе народна, чѣмъ іерархія православная, такъ какъ болѣе, чѣмъ послѣдняя, желаетъ согласоваться съ волею народною, создавшею всѣ особенности русскаго быта и мышленія.

Вотъ съ какими враждебными силами, страшными по своей стремительности и рѣшимости, приходится вести борьбу православію.

Что же православіе?.. Подъ защитой охранительнаго закона оно не успѣло подготовиться къ успѣшной борьбѣ съ такими враждебными силами, о чемъ въ большой степени свидѣтельствуетъ и фактъ отступничества отъ православія многіхъ десятковъ тысячъ душъ въ первый же годъ паденія внѣшне-охранительнаго для православія закона: „расколъ и секты, дѣйствительно, широкой лавой хлынули въ ограду цер-

*) Н. Гринякинъ.

ковную". Открытая борьба православія съ расколами, сектами и инославіемъ будетъ тѣмъ труднѣе, что не православіе въ этой борьбѣ найдетъ нравственную поддержку среди безцерковнаго большинства нашей интеллигенціи, что не за православіе будутъ назойливы и крикливы голоса газетныхъ публицистовъ, у которыхъ въ строгой опеку въ нынѣшнее время находится общественное сознание; что въ настоящее время не видится еще въ правосл. духовенствѣ единодушной рѣшимости выдти на самую напряженную работу на поприщѣ православной миссіи; что въ массѣ православнаго крестьянства, по неразвитости нашей церковной жизни, не созрѣло еще сознание долга cadaго защищать свое „упованіе“ и всецѣло заботиться объ укрѣпленіи и усиленіи нашей православной миссіи; что наши миссіонеры, не имѣя за собой единодушной нравственной поддержки православнаго общества, чувствуютъ себя одинокими въ этой борьбѣ.

Теперь посмотримъ: миссіонерскіе кадры, эта наша почти единственная надежда въ борьбѣ съ расколомъ-сектантствомъ, достаточны-ли количествомъ миссіонерскихъ силъ и имѣютъ-ли правильную и твердую организацію?

Священникъ *Алексѣи Никольскій*.
(Продолженіе слѣдуетъ).

Какъ смотрѣть на „освободительное движеніе“ съ христіанской точки зрѣнія?

(По поводу статьи: „Христіанство и современность“. См. № 4 „Правды Православія“).

Недавно начавшій издаваться въ Петербургѣ журналъ „Правда Православія“ поставляетъ своею задачею, по заявленію редакціи, „служеніе православію и выясненіе общественнаго и государственнаго значенія христіанства“.

Какъ же онъ выполняетъ принятыя на себя столь высокія и почтенныя задачи?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ, по нашему мнѣнію, отчасти служить напечатанная въ 4-мъ № названнаго журнала редакціонная статья, подъ заглавіемъ: „Христіанство и современность“.

Въ этой статьѣ на вопросъ: „насколько же приемлемо христіанство и что оно въ соотношеніи съ современностью?“ дается такой отвѣтъ: „наше время—со всеми данными на то (курсъ вездѣ нашъ), чтобы всецѣло усвоить себѣ христіанство“ (значитъ, до „нашего времени“ христіанство еще не было „всецѣло усвоено“ православіемъ)...

Какія же, однако, особенно благоприятныя „данныя“ именно „нашего времени“ находятъ или открываетъ редакціонная статья для „всецѣлаго усвоенія“ „современностью“ христіанства?

„Данныя“ эти, по утверженію редакціи, обнаруживаются или заключаются въ томъ, что „особенностью нашихъ дней“ является стремленіе „въ обсужденіи вопросовъ жизни проникать въ корень вещей, излѣчывать язвы жизни *существенными средствами*“

Допустимъ. Но въ чемъ же собственно заключаются эти „существенныя средства“, которые „въ наше время“ употребляются для излѣченія язвъ“ общественной жизни?

Такиими „средствами“ статья признаетъ выступившій на горизонтѣ „современности“ революціонный „бунтъ противъ прежнихъ устоевъ жизни, противъ собственности и государственности“. Этотъ „бунтъ“, какъ „и всякое другое явленіе“, имѣетъ, по воззрѣнію редакціи, „двѣ стороны—внутреннюю и вѣшную, мотивы и самое осуществленіе ихъ въ дѣйствительности“.

Не останавливаясь на томъ, что изобрѣтенія этихъ „существенныхъ средствъ“ для „излѣченія язвъ современности“ называются въ статьѣ „героями“, удостоивающимися почетной „мученической (?) смерти“, скажемъ лишь, что для редакціи „Правды Православія“ особенно привлекательно, или, по ея выраженію, „обаятельно“ стороною въ сказанныхъ „средствахъ“, или въ сказанномъ „явленіи“, т. е. въ современныхъ революціонныхъ „бунтахъ“, является именно *первая* „сторона“, т. е. „мотивъ“ или „побужденіе“ для устроенія „бунтовъ“, а *вторая* „сторона“ этого „явленія“, т. е. самый фактъ „бунта“, пока еще не пользуется со стороны редакціи такими симпатіями, его редакція относитъ къ „явленіямъ иного порядка“.

О *первой* сторонѣ революціонныхъ „бунтовъ“ редакція говоритъ: „не обмануясь скажемъ, что воодушевляегь современность (т. е. анархическую дѣятельность революціонеровъ) „самое высокое начало, по природѣ своей христіанское, то стояніе за ближнихъ своихъ, стояніе самоотверженное“. И нѣсколько далѣе: „Останавливаясь на войнѣ (революціонеровъ) противъ собственности, мы расчленяемъ это движеніе и избираемъ для себя только движущія побужденія, которые для христіанства не преступныя, а весьма родственныя, именно, какъ каждая такого положенія вещь, гдѣ бы безусловно (?) каждому обезпечивалось существованіе“.

Итакъ, въ основѣ современной дѣятельности революціонеровъ, объявившихъ „войну“ „противъ прежнихъ устоевъ жизни, противъ собственности и государственности“, редакція „Правды Православія“ усматриваетъ „высокое начало, по природѣ своей христіанское“, и потому „для христіанства не преступное, а весьма ему родственное“; поэтому редакція называетъ далѣе революціонеровъ „лучшими людьми нашего времени“.

Усвоивъ такое воззрѣніе на „мотивы“ и „движущія побужденія“ современной разрушительной дѣятельности революціонеровъ, редакція „Правды Православія“ рекомендуетъ и своимъ читателямъ держаться такого же образа мыслей относительно сказаннаго предмета ожидая отъ того великой для христіанства пользы.

По мнѣнію редакціи, если мы признаемъ „святыхъ“ революціонеровъ, т. е. если признаемъ легальность и христіанскій характеръ „мотивовъ“ и „побужденій“, вызывающихъ революціонеровъ на борьбу съ „прежними устоями жизни, съ собственностью и государственностью“ (а признать это, по утверженію редакціи, дѣло простой справедливости и вѣрности христіанскимъ началамъ*), тогда христіанство не встрѣтитъ себѣ въ революціонерахъ врага; напротивъ, тогда сами революціонеры, эти „лучшіе люди нашего времени, способны будутъ предоставлять влѣніе христіанству на дѣйствованіе, на способы—приемы“, употребляемые революціонерами для „выполненія историческаго дѣла“.

Этимъ „историческимъ дѣломъ“ редакція считаетъ именно „жажду“ революціонеровъ достигнуть посредствомъ разрушенія „прежнихъ устоевъ жизни“ и посредствомъ разрушенія или уничтоженія „собственности и государственности“ — „такою положенія вещей, гдѣ бы безусловно (хотя, полагаемъ, и для редакціи извѣстно, что въ настоящемъ мірѣ нѣтъ ничего „безусловнаго“, а все „условно“) каждому обезпечивалось существованіе“.

Мы точно воспроизвели содержаніе редакціонной статьи „Христіанство и современность“ и должны по поводу ея сказать, что если бы такія разсужденія о революціонныхъ „началахъ“, „мотивахъ“ и „движущихъ побужденіяхъ“, какія въ ней содержатся, излагались въ какомъ-нибудь свѣтскомъ изданіи, тогда, конечно, можно бы пройти ихъ и мимо; но когда такія разсужденія высказываются въ *духовномъ* журналѣ, выражающемъ желаніе „служить Православію и освѣщать современныя явленія церковно-общественной жизни съ истинно-христіанской точки зрѣнія“, то является уже дѣломъ необходимости провѣрить: *правду ли*, на самомъ дѣлѣ, проповѣдуетъ намъ „Правда Православія“, будто „начала“, „мотивы“ и „движущія побужденія“ современной революціонной дѣятельности являются „по своей природѣ христіанскими“, нисколько „для христіанства не преступными“ и „весьма ему родственными“?

Христіанское значеніе революціонныхъ „началъ“, „мотивовъ“ и „движущихъ побужденій“ редакція „Правды Православія“ усматриваетъ въ *одинаковости цѣлей*, преслѣдуемыхъ революціонерами и христіанствомъ. Христіанство, проповѣдуя любовь, во имя этой любви старается предоставить еще здѣсь, на этомъ свѣтѣ, „обезпеченное существованіе“ людямъ; къ такой же именно цѣли стремятся и революціонеры.

Допустимъ, что въ этомъ отношеніи есть нѣкоторое *сходство* между преслѣдуемыми христіанствомъ и революціонерами цѣлями, хотя необходимо присовокупить, что у христіанства главныя цѣли не *временныя*, какъ у революціонеровъ, а *вѣчныя*, по-ту-стороннія. Но, повторяю, допустимъ, что въ достиженіи временныхъ цѣлей у христіанства есть *ничто* общее съ революціонерами. Но по общности цѣлей нельзя судить объ одинаковомъ достоинствѣ „началъ“, „мотивовъ“ и „движущихъ побужденій“. Достоинство этихъ послѣднихъ опредѣляется не *общностью* преслѣдуемыхъ цѣлей, а *процессомъ достиженія* этихъ цѣлей. Христіанскія начала или основанія предписываютъ достигать „обезпеченнаго существованія“ посредствомъ *труда*: „въ потѣ лица твоего свѣси хлѣбъ твой“ (Быт. 3, 19), а начала, или основы, революціонеровъ рекомендуютъ для того бомбы, брауннинги и т. п. Съ христіанской точки зрѣнія *одинаково* нехорошо поступаютъ, какъ *тотъ*, кто, „видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое“, такъ и *тотъ*, кто, обратившись къ кому либо за помощью и не получивъ просимаго, тотчасъ же закатитъ пулю въ лобъ не оказавшему помощи; а съ точки зрѣнія революціонеровъ, нехорошо поступаетъ только лишь первый, а послѣдній поступаетъ *вполнѣ справедливо*, потому что основнымъ „мотивомъ“ и „движущимъ побужденіемъ“ у революціонеровъ служитъ правило: „цѣль оправдываетъ

средства“. Возможно-ли, послѣ этого, утверждать, будто въ основѣ современной революціонной дѣятельности лежитъ „высокое начало, по природѣ своей христіанское“, нисколько „для христіанства не преступное“ и даже „весьма ему родственное“, какъ именно утверждаетъ редакція „Правды Православія“?

Такое странное, для христіанскаго чувства оскорбительное, *отождествленіе* революціонныхъ началъ съ началами христіанства высказано, какъ полагаемъ, редакціею единственно по непониманію ею именно „природы“ началъ христіанскихъ и „природы“ началъ революціонныхъ.

Христіанскія начала по своей „природѣ“ *духовны*. Будучи таковыми, они и плоды даютъ только лишь *духовныя*: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе (Галат. 5, 22—23). Производя такіе плоды, христіанскія начала въ тоже время, являются абсолютно неспособными производить или раждать „бунты“, насилія, грабежи и убійства, не способны на производство такихъ дѣйствій именно по своей *духовной* „природѣ“, поучая, прежде всего, смиренію, терпѣнію и раскаянію во грѣхахъ.

Не таковы по своей „природѣ“ начала революціонныя. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. А плоды революціонныхъ началъ мы видимъ; они суть: бунты, насилія, грабежи, убійство и т. п. Все эти плоды необходимо начала *плотскою*. „Отъ сердца исходятъ злыя помыслы, убійство, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельство, хуленія“, говоритъ Спаситель (Мѣ 15, 19). И св. апостоль Павелъ пишетъ: дѣла *плоти* извѣстны; они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, ереси, ненависть, убійство, пьянство, безчинство и тому подобное“ (Галат. 5, 19—20). Все эти, поименованныя въ словахъ Господа и въ словахъ апостола Павла непотребства, можно сказать, составляютъ *самое существо* современнаго революціоннаго движенія.

Итакъ, плоды „началъ“ христіанскихъ суть плоды *духовныя*, а плоды „началъ“ революціонныхъ суть плоды *плотскіе*. По этимъ плодамъ мы должны заключать и о „природѣ“ тѣхъ и другихъ „началъ“, „мотивовъ“ и „основаній“. Отсюда и становится яснымъ, что христіанскія начала — начала *Духа Божія*, а революціонныя начала — начала *плоти*, или тоже — начала *развращеннаго, утратившаго вѣру и любовь къ Богу и ближнимъ сердца человѣческаго*. Отождествить и показать „родственными“ эти два начала, какъ это пытается сдѣлать редакція „Правды Православія“, никакъ невозможно: „плоть (всегда) желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти; они другъ другу противятся“ (Гал. 5, 17). Какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ“?

Отмѣчая кратко ложность и неосновательность воззрѣній относительно тождественности и родственности началъ христіанскихъ и революціонныхъ, изложенныхъ въ статьѣ „Христіанство и современность“, мы хотимъ думать, что редакція „Правды Православія“ изложила подобныя воззрѣнія по простому лишь *недо*разумѣнію, по незнанію психической жизни революціонера и истиннаго христіанина

Мірянинъ.

Открытое письмо о. протоіерю М. Р. Кудрявцеву.

Многоуважаемый Отецъ Протоіерей,

Михаилъ Рафаиловичъ!

Въ Вашемъ письмѣ, помѣщенномъ въ *Воляръ* (№ 264), имѣется одна очень важная недомолвка. Вы не привели точно текста постановленія бывшаго подъ Вашимъ предѣдательствомъ благочинническаго собранія. Какъ онъ читается: „пригласить преподавателями по свѣтскимъ-небоисловскимъ предметамъ лицъ съ спеціальнымъ университетскимъ образованіемъ“, или: „...по тѣмъ свѣтскимъ предметамъ, которые не преподаются въ духовныхъ академіяхъ“?....

Если текстъ постановленія собранія вполнѣ соотвѣтствуетъ второй формулѣ или тождественъ съ ней по своему содержанію, то Вы, приведши точно его, тѣмъ самымъ разсѣяли бы всякое недоразумѣніе.

Если же текстъ постановленія собранія соотвѣтствуетъ первой формулѣ, между тѣмъ собраніе, какъ Вы свидѣлствуете, выражало желаніе имѣть преподавателями въ 7 классѣ лицъ съ университетскимъ образованіемъ *только по спеціальнымъ предметамъ, не преподаваемымъ въ духовныхъ академіяхъ*, какъ напр., математикѣ, физикѣ, естественной исторіи и географіи, то Вы должны были бы заявить, что, какъ предѣдатель, Вы не точно формулировали пожеланіе собранія, чѣмъ дали поводъ г. * * * глумиться надъ преподавателями-академиками епархіального женскаго училища. Никто подъ *свѣтскими* предметами не можетъ понимать *предметовъ, не преподаваемыхъ въ дух. академіяхъ*.

Вмѣстѣ съ этимъ долженъ Вамъ заявить, что статья „Борьба съ клерикализмомъ“ (*Н. Ц.-О. Вѣстникъ* № 37) написана мной. Написать ее былъ вынужденъ. Послѣ опубликованія въ мѣстныхъ газетахъ постановленія собранія Вы не дали никакихъ разъясненій, не сдѣлали этого и послѣ статьи г. Θ. Е.—аго „Недовѣріе?“ Появилась въ *Волярѣ* статья „Недовѣріе-ли?“ въ которой авторъ, прикрываясь Вашимъ авторитетомъ, какъ лица, освѣдомленнаго съ постановкой учебнаго дѣла въ училищѣ, прямо глумится надъ преподавателями-академиками епарх. училища, — Вы не только не опротестовали подобнаго пользованія Вашимъ авторитетомъ, Вы даже не побесѣдовали лично съ педагогическимъ персоналомъ училища и не дали ему своихъ разъясненій. Послѣ этого я счелъ своей нравственной обязанностью показать, что то толкованіе, которое даетъ г. * * * постановленію бывшаго подъ Вашимъ предѣдательствомъ собранія, кладетъ темное пятно лишь на самое собраніе, такъ какъ, принявши за данное его разсужденія о направленіи преподавателей-академиковъ, можно дать лишь очень нелестную картину собранія.

Пишу о послѣднемъ Вамъ потому, что г. * * * въ *Волярѣ* (№ 262) заявляетъ, что я своей статьей „Борьба съ клерикализмомъ“ будто бы оскорбилъ все собраніе и въ частности Васъ, его предѣдателя.

Н. Боголюбовъ.

БЛЕСТКИ и ИЗГАРЬ...

(Шалости карандаша).

Мы такъ быстро идемъ впередъ, что за нами не поспѣваютъ и такіе гиганты мысли, какъ графъ Л. Н. Толстой. Недавній кумиръ всей либеральной прессы, маститый старецъ теперь развѣчанъ...

Sic transit gloria mundi!

Вина этого великаго человѣка состоитъ въ томъ, что къ современному движенію онъ относится отрицательно. По словамъ „Волгара“ — № 244, „Льву Николаевичу многое оказывается непонятнымъ въ общественномъ движеніи“.

Если такъ, то позвольте и намъ кое-что тутъ не понимать... Помилуйте, даже Л. Толстой тутъ ничего не понимаетъ...

Сей человѣкъ „понимаетъ націонализацию земли только подъ однимъ условіемъ—это обложеніе всей земли единымъ налогомъ, другихъ формъ распределенія земли онъ не допускаетъ. Вся-же толка о націонализации, отчужденія, по его мнѣнію, пустой разговоръ“...

„Не понимаетъ“ Л. Толстой и рабочаго движенія. По его мнѣнію, плохо живется только дѣтямъ да пьяницамъ...

Такихъ рѣчей никакъ не могутъ переварить герои-дѣятели современнаго политическаго канкана и Толстого теперь ругаютъ... устарѣлъ!!..

„Устарѣлыми“ оказываются и другіе кое-кто изъ недавнихъ кумировъ. Теперь уже не въ чести А. Стховичъ, нашедшій своей рѣчью о свободѣ совѣсти три года тому назадъ... Его вина состоитъ въ томъ, что онъ просилъ Государственную Думу заковать *всякое вообще* убійство...

„Устарѣлъ“ и этотъ...

„Устарѣлъ“ противъ насъ даже известный политическій дѣятель, г. Струве, все время жившій за границей и издававшій самый крайній противо-правительственный журналъ „Освобожденіе“.

„Устарѣлъ“ даже старикъ Родичевъ!...

Не устарѣли пока Петрункевичъ да Алдыбинъ...

Ну, утро вечера мудренѣе!...

Sic transit gloria mundi!

„Дегенератъ“ — по-русски „выродокъ“, или физическій и нравственный уродъ. Дегенератъ—человѣкъ неуравновѣшенный, лишенный воли и находящійся вполнѣ во власти своего организма. Дегенератъ—преступникъ по преимуществу. Такъ сказалъ известный Ломброзо.

Сколько-же у насъ дегенератовъ?

Оказывается („Волгарь“ № 241), что въ одномъ учебномъ заведеніи $\frac{2}{3}$ учениковъ, а въ другомъ 95 % — явные дегенераты! Это въ столицѣ. Интересно бы пошарить и по провинціи...

Печальная картина! Печальное будущее!

Какъ известно, главной причиной вырожденія служитъ пьянство и въ особенности развратъ родителей... Растратившій свои силы по разнымъ „заведеніямъ“, злосчастный отецъ семейства даритъ обществу выродокъ!

Вотъ естественное послѣдствіе той легкости нравовъ, которая наблюдается теперь въ обществѣ! 3000 лѣтъ тому назадъ было сказано: „не прелюбы сотвори“...

Наука нашла, что это — суевѣріе, предрасудокъ; что борьба чловѣка съ этой „потребностью“ невозможна; порокъ этотъ квалифицировался, какъ „естественное явленіе“. Порокъ открыто гулялъ по улицѣ; проповѣдывался въ книгахъ, выставлялся въ картинахъ.

И вотъ теперь поневолѣ приходится сознаться, какъ правъ былъ Моисей, записавшій безапелляціонное: „не прелюбы сотвори“!

Какъ быть? Что дѣлать?

Ну вотъ, есть о чемъ думать! Развѣ для современной науки есть что-либо невозможное?

„Убивать чловѣческіе зародыши въ организмъ ненадежныхъ родителей посредствомъ рентгеновскихъ лучей“!

Такъ рѣшила наука. („Волгарь“ № 241).

Теперь оказался устарѣлымъ и знаменитый Мальтусъ съ его чудовищной теоріей уничтоженія лишннихъ людей.

Такъ Промыслъ Божій караетъ за нарушеніе или, вѣрнѣе, за поруганіе своихъ законовъ, данныхъ для блага чловѣчества.

Наука поставлена въ необходимость оправдывать убійство!

Дальше уже и идти некуда...

Бѣдное чловѣчество!

Старый знакомый.

Хроника мѣстной епархіальной и общей церковной жизни.

I.

Архіерейскія богослуженія. Въ день Покрова Пресв. Богородицы Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Назарій, епископъ нижегородскій и арзамасскій, совершалъ литургію въ Крестовой церкви, а послѣ литургіи—освященіе новаго корпуса Кулибинскаго училища.

5-го октября, въ день тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича, совершалъ въ Каѳедральномъ соборѣ литургію и послѣ нея молебень Преосвященнѣйшій Исидоръ, епископъ балахнинскій.

Отъѣздъ Его Преосвященства. Преосвященнѣйшій Назарій отбылъ 1-го октября изъ Н.-Новгорода въ Петергофъ для освященія новаго храма, построеннаго при подворьѣ Дивѣвскаго монастыря въ Петергофѣ.

Журналъ миссіонерскаго собранія въ Н.-Новгородѣ. Въ засѣданіяхъ 8 и 9 августа 1906 года собраніе миссіонеровъ, заслушавъ докладъ самарскаго епархіальнаго миссіонера священника Дмитрія Александрова, представленный имъ VI отдѣлу предсоборнаго присутствія по вопросу о принятіи австрійскихъ клириковъ въ сущихъ санахъ, если Бѣлокриницкіе во главѣ со своими епископами пожелаютъ воссоединиться съ Православною Церковью, или, если даже и не всѣ, то большинство, признать или, правильнѣе сказать, принять австрійскихъ клириковъ въ сущихъ санахъ, по достаточномъ обсужденіи сего вопроса, постановило:

Принимая во вниманіе, 1) что Бѣлокриницкіе въ настоящее время не только не ищутъ воссоединенія съ Православною Церковью, но и не высказываютъ къ тому ни малѣйшаго желанія, а даже, наоборотъ, относятся къ Православной Церкви и ея пастырямъ съ большей ненавистью и фанатизмомъ, чѣмъ прежде, а къ святынямъ Ея съ большимъ глумленіемъ, чѣмъ ра-

нѣе, что каждому имѣющему дѣло со старообрядцами хорошо извѣстно какъ изъ личныхъ съ ними сношеній, такъ равно и изъ печатныхъ ихъ произведеній, расиру-страняемыхъ ими нынѣ въ широкихъ размѣрахъ среди простого народа, и, во-2-хъ, что среди массы простого православнаго народа отъ этого произойдетъ большое смущеніе и велие отпаденіе отъ Православной Церкви, доказательствомъ чему служатъ среди поволжскихъ и южныхъ, особенно черниговскихъ единовѣрцевъ и православныхъ тѣ волненія и смуты, которыя произошли отъ проникнутыхъ въ печать сообщений, что въ VI отдѣлѣ предсоборнаго присутствія однимъ изъ членовъ отдѣла внесенъ былъ докладъ о возможности признанія австрійскихъ клириковъ въ сущихъ санахъ;—къ этому миссіонеры добавили, что напечатанная въ „Миссіонерскомъ Обзорѣ“ статья профессора Ивановскаго и въ „Православномъ Путеводителѣ“ статья миссіонера Головкина надмили австрійскій раскольничій міръ, который поднялъ голову высоко, выдаетъ и носится съ сими статьями, какъ доказательствомъ якобы того, что господствующая (т. е. Православная) Церковь сознаетъ нынѣ свою вину предъ расколомъ австрійскаго толка, и готова уже признать ихъ священство законнымъ, что породило большой соблазнъ и безъ сомнѣнія съ большимъ вредомъ отзовется на миссіонерской проповѣди среди заблудшей братіи;—посему, соглашаясь съ докладомъ священника Дмитрія Александрова, собраніе миссіонеровъ постановило: признать неблаговременнымъ, бесполезнымъ и даже болѣе того—безусловно вреднымъ поднимать въ настоящее время вопросъ о принятіи австрійскихъ клириковъ въ сущихъ санахъ, о чемъ и представить сей журналъ VI отдѣлу предсоборнаго присутствія.

Лекціи архимандрита Михаила. Профессоръ с.-петербургской духовной академіи архимандритъ Михаилъ, проѣздомъ со своей родины (г. Симбирскъ) къ мѣсту своей службы, прочиталъ въ Общедоступномъ Клубѣ г. Н.-Новгорода двѣ лекціи—3 и 4-го октября въ пользу голодающихъ. Слушателей, въ особенности учащейся молодежи, было много. Во время второй лекціи залъ и хоры были полны. Подробно излагать содержаніе этихъ лекцій мы не намѣрены, такъ какъ всякій, желающій узнать то, о чемъ говорилъ о архимандритъ, можетъ пріобрѣсти двѣ его книжки: „Христіанство и социаль-демократія“ (цѣна 15 к.) и „Евангеліе мѣщанъ“ (Ренанъ и его „Иисусъ“, ц. 18 к.). Первая книжка замѣнитъ для читателя лекцію 3-го октября, а вторая—лекцію 4-го октября. Книжки можно купить у нижегородскихъ книготорговцевъ, а выписываются онѣ по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, издательство „Свобода и Христіанство“, Обводный каналъ, 17. Всякій, кто пріобрѣтетъ эти книжки, останется очень доволенъ. Подробное объявленіе о книжкахъ издательства „Свобода и Христіанство“ было напечатано въ 18-мъ №-рѣ Нижегородскаго Церковно-Общественнаго Вѣстника. Въ настоящее время о. архимандритъ Михаилъ уже издалъ календарь для духовенства на 1907 годъ, прекрасное руководство для пастыря-импровизатора. Стоимость пересылки при розничной выпискѣ этого календаря значительно повышаетъ его цѣну. Поэтому календарь выгоднѣе было бы выписывать партіями.

Вмѣсто изложенія лекцій о. архимандрита познакомимъ читателей съ его религіозно-общественными идеями, на основаніи его лекцій въ Общедоступномъ Клубѣ и личныхъ бесѣдъ съ нимъ во время пребыванія его въ Н.-Новгородѣ.

Въ исторіи развитія рода человѣческаго, которую можно себѣ представлять, какъ эволюцію, было два великихъ момента: первый, когда человѣкъ впервые созналъ себя, какъ человѣка, отдѣлилъ себя отъ природы; второй—голгоѣскій, когда умеръ человѣкъ вообще, чтобы стать Богомъ. Цѣль человѣческаго существованія: *будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный*. Нельзя стремиться къ этому идеалу, если не вѣровать въ возможность достиженія его для человѣка. Въ Геесиманіи и на Голгоѣ въ совѣсти Богочеловѣка, Который былъ сближенъ и духовно сращенъ со всѣми людьми, совершался судъ надъ всѣмъ человѣчествомъ, надъ всѣмъ его прошлымъ, надъ законами его прежняго бытія,—и все это прошлое было осуждено, проклято и уничтожено. Голгова была актомъ общественной жизни. Свѣтъ Разума, сойдя съ неба на землю, открывшись въ сердцахъ, сталъ жизненной силой. „любовью“. „Всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее. У нихъ было одно сердце и одна душа (Дѣян. 3, 43; 4, 32),—казалось, сила любви сломить все зло и побѣдить. Но дальше случилось непонятное. Люди отказались отъ свѣта звѣзды—Благовѣстія Правды Христовой. Они *подмѣнили истину*. Они стали проповѣдывать, что идеалы Евангелія только вѣхи, до которыхъ все равно не дойти... никогда. Это святые мечты, которыми можно жить во время обѣдни въ воскресенье, вообще «по праздникамъ». И вотъ стоитъ земля не освѣщенная, невоздѣланная, неосіянная; выходятъ иногда одиночки-ученики Христовы святые, убогіе, юродивые, но ихъ голосъ погасаетъ среди шума развратной улицы. Теперешнее христіанство сдѣлалось рабомъ факта, оно примирилось съ наличностію преступной человѣческой жизни.

Задача истиннаго христіанства евангелизація міра, преображеніе жизни. Человѣкъ долженъ сознать, что душа его дороже всего міра. Нѣкоторымъ людямъ удается въ своей жизни воплотить, въ той или другой степени, идеалъ богочеловѣческой жизни идеалъ истиннаго христіанства. Таковъ, напр., Серафимъ Саровскій. У насъ въ Россіи проповѣдниковъ словомъ и дѣломъ истиннаго христіанства выставило больше всего свѣтское общество (славянофилы, Вл. Соловьевъ). Если бы на землѣ нашлось сто праведниковъ, они преобразили бы лицо земли. Праведники собираютъ около себя невечерній свѣтъ Христовъ, и этотъ свѣтъ, какъ великая идейная сила, двигаетъ впередъ благородную эволюцію общественнаго самосознанія. До сихъ поръ христіанская идея была достояніемъ сознанія только отдѣльныхъ личностей; теперь она должна сдѣлаться достояніемъ общественнаго сознанія, факторомъ общественныхъ отношеній. Конецъ міра наступитъ тогда, когда лучшая часть человѣчества достигнетъ божественной жизни, когда человѣкъ будетъ Богомъ. Другая часть человѣчества передъ концомъ міра достигнетъ наибольшей степени удаленія отъ Бога; ибо таковъ всегда ходъ общественнаго развитія: около одной крайности образуется другая—противоположная.

Если поставить вопросъ объ отношеніи христіанства къ современнымъ общественнымъ направленіямъ, то оно ближе всего къ социализму, если имѣть въ виду экономическую программу послѣдняго. Но будущій строй социализма, если онъ не усвоитъ великой и святой, все согрѣвающей и воодушевляющей идеи христіанства, если не сдѣлаетъ своимъ достояніемъ вѣры въ Божество Господа Нашего Иисуса Христа, обрѣтаетъ бытъ ультра-буржуазнымъ и прѣснымъ, скрытно рабовладельческимъ. Идеалъ русскихъ марксистовъ, которые болѣе вѣрують въ догматы историческаго материализма (все изъ желудка), чѣмъ вѣрвалъ самъ Марксъ и его ученики Энгельсъ и Каутскій, — идеалъ сытого поросенка, грѣющагося на солнцѣ. „Христіанинъ, сколько онъ на пути ко Христу — можетъ идти въ Небу и черезъ с.-демократію, въ смыслѣ правтическомъ, отрицая только метафизику партіи, говоритъ арх. Михаилъ, ея мѣщанство и „кровоавую тактику“ и, конечно, постепенно творя въ своей душѣ христіанина „въ силѣ его“, который главной цѣлью своей ставитъ не хлѣбъ, а творчество человѣка — въ великаго „истиннаго человѣка будущаго“.

II.

Печальный вопль изъ деревни. Въ прославленномъ журналѣ „Приходская Жизнь“ (сентябрь) напечатано слѣдующее письмо сельскаго священника:

„Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой. Подходить зима, и я думаю устраивать въ праздничные дни бесѣды въ деревняхъ, чтобы завязать болѣе близкія сношенія съ народомъ. Но для веденія бесѣдъ у меня нѣтъ никакого подходящаго матеріала. Въ нашемъ приходѣ, особенно среди молодежи, замѣчается прямо таки невѣріе; особенно много въ этомъ отношеніи вреда приноситъ проживающій въ Москвѣ нашъ прихожанинъ К. Это коммерсантъ, человѣкъ богатый, образованный, но невѣрующій. Къ нему въ лавки обыкновенно отправляются мальчишки, окончившіе курсъ нашего училища. Въ Москвѣ мальчишки воспитываются совершенно въ антирелигіозномъ духѣ и, когда возвращаются домой, то уже *не имѣютъ крестовъ на шеѣ* и открыто глумятся надъ всѣми церковными обрядами и религіознымъ ученіемъ. Родители скорбятъ, конечно, но дурное вліяніе всетаки сказывается и на нихъ. Въ приходѣ есть и семейные крестьяне, которые тоже чуждаются церкви не по расколу, а прямо уже по невѣрію.

Вотъ до чего дѣло дошло. Нашъ-то крестьянинъ наша-то богобоязненная деревня уже заражаются духомъ невѣрія! Какъ помочь бѣдѣ, не знаю. Провѣди въ церкви мало приносятъ пользы. Нужно по деревнямъ бесѣдовать. Но для этого нуженъ матеріалъ, который соответствовалъ бы развитію нашего народа, для котораго уже всѣ брошюры, издаваемые социальными демократами, и другія такія же, въ обложечкахъ преимущественно краснаго цвѣта,—не новость. Въ приходѣ бывають митинги, и народъ съ жадностію слушаетъ разныхъ ораторовъ. Вы понимаете, въ какомъ критическомъ положеніи нахожусь я, приходскій священникъ, съ арсеналомъ старыхъ проповѣдей, пригодныхъ, можетъ быть, гдѣ-либо въ глухихъ мѣстахъ, а не въ нынѣшней деревнѣ. Точь-въ-точь, какъ бывало на деревенскомъ пожарѣ, гдѣ ни трубъ пожарныхъ, и ни

какихъ пожарныхъ инструментовъ не было. Бѣгаютъ съ одними деревянными ведрами, да и тѣ разохлись. И вотъ отъ дома до дома бросается пламя и сгораетъ вся деревня дотла. Такъ и теперь невѣріе идетъ отъ дома до дома, отъ деревни до деревни. Что останется, то Господь знаетъ. Подыщите пожалуста и пришлите мнѣ поскорѣе какихъ-либо книгъ и брошюръ для привлеченія народа въ церковь, для утвержденія его въ христіанствѣ, для борьбы съ современнымъ отрицаніемъ иконъ, обрядовъ и догматовъ“.

Несомнѣнно врагъ засталъ насъ спящими. Мы не ожидали его и не приготовились встрѣтить во всеоружіи. Теперь это сознано. Поэтому дѣло можетъ идти лишь о томъ, какъ возвыситься надъ этимъ недостаткомъ, какъ его загладить, искупить. Напрасно возлагать всю надежду на книги и брошюры; надобно учиться поучать народъ обращать къ нему свое слово, живое и дѣйственное.

О церковной проповѣди. Недостаточно много говорятъ у насъ о томъ, о чемъ слѣдуетъ очень много говорить, а именно: о крайне неудовлетворительномъ состояніи проповѣдничества въ нашей церкви и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ. Нельзя сказать, что у насъ нѣтъ хорошихъ образцовъ, нѣтъ талантливыхъ проповѣдниковъ, у которыхъ можно было бы поучиться дѣлу проповѣди. Они есть, да учиться то у насъ желанія нѣтъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ была напечатана статья покойнаго преосвященнаго *Виссаріона*, епископа костромскаго. Онъ доказывалъ, что хорошій проповѣдникъ можетъ выработаться только изъ человѣка пожилого, опытнаго, развитого и зрѣлаго въ умственномъ, научномъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Свободно и хорошо можетъ говорить только тотъ, у кого есть о чемъ говорить. Преосвященный *Виссаріонъ* находилъ даже неестественнымъ требованіе, чтобы молодой священникъ произносилъ проповѣди экспромптомъ. Отличную поправку къ этимъ соображеніямъ преосвящ. *Виссаріона* даютъ автобіографическія записки извѣстнаго пастыря-проповѣдника, прот. *В. Θ. Владислава*, печатаемая въ Тверск. Еп. Вѣдом. Жизнь не ждетъ того времени, когда молодой пастырь созрѣетъ; *жатвы мною, а дѣлателей мало*. Русскій народъ представляетъ изъ себя громадную, малокультурную паству, и отъ ея пастыря не требуется непременно слишкомъ большого умственнаго развитія. Всякое дѣло мастера боится, и въ дѣлѣ проповѣди имѣетъ большее значеніе навыкъ и упражненіе. Особеннаго вниманія заслуживаетъ рассказъ прот. *Владислава* о томъ, какъ онъ началъ свою проповѣдническую дѣятельность и какія мѣры употреблялъ къ тому, чтобы сдѣлать свою проповѣдь сколько возможно болѣе понятною и назидательною для народа. *В. Θ. Владиславъ* рано началъ говорить проповѣди. Ему было 17—18 лѣтъ, когда, выслушавъ семинарскія правила церковнаго краснорѣчія, онъ—еще семинаристъ—обратилъ ихъ въ дѣло и сказалъ на масленой недѣлѣ первую проповѣдь въ деревенской церкви, гдѣ служилъ священникомъ его отецъ. *) За первую удачною проповѣдью

*) Семинарскій и академическій періодъ жизни *В. Θ. Владислава* падаетъ на конецъ 30-хъ и начало 40-хъ годовъ прошлаго вѣка.

последовали другія. Проповѣдникъ, какъ видно, тщательно составлялъ ихъ, писалъ въ тетрадку и по тетрадкѣ говорилъ.

„Крестьяне слушали; можетъ быть, многого они не понимали; можетъ быть, рѣчь моя“, вспоминаетъ проповѣдникъ, „писанная для ихъ уха, непривычнаго къ чтенію, странна была; но уже была польза та, что крестьяне приучились видѣть на амвонѣ проповѣдника, что проповѣдь была для нихъ уже не въ диковинку. А между тѣмъ, были такіе изъ крестьянъ, которые по какому-то чутью понимали смыслъ моихъ поученій“ (см. № 10 Твер. Еп. Вѣд.). Желаніе стать вполне понятнымъ народу заставляетъ *В. Θ. Владислава* оставить мудреную школьную манеру писанія проповѣдей и замѣнить ее болѣе простою и болѣе доступною для пониманія крестьянъ. Первая проповѣдь въ новомъ направленіи составлена была и приурочена къ великой субботѣ. Она написана была самымъ простымъ, крестьянскимъ языкомъ. „Темою для проповѣди взялъ я“, рассказываетъ *В. Θ.*,—„сказать крестьянамъ, что они очень дурно дѣлаютъ, когда Свѣтлый праздникъ проводятъ въ пьянствѣ и развратѣ. Здѣсь я описалъ вѣрно и точно нѣсколько мѣстныхъ дурныхъ обычаевъ. Написавши проповѣдь, я прочиталъ ее матушкѣ, которая не знала грамоты, хотя была очень религіозная женщина. Матушка поняла проповѣдь, и говоритъ мнѣ: „ну, Вася, вотъ это такъ проповѣдь! Ее всю помнишь. А то все слушаешь—хорошо, а кончишь ты { говорить—ничего не помнишь“. Когда проповѣдь была сказана, она произвела на крестьянъ замѣтное дѣйствіе.

Начавши говорить понятнымъ народу языкомъ, проповѣдникъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что надо оставить и другую старую манеру—записывать мысли на бумагѣ и произносить проповѣдь по тетрадкѣ. Содержаніемъ поученій молодой проповѣдникъ бралъ или выясненіе воскреснаго и праздничнаго апостола и евангелія, или краткія толкованія церковной службы: объяснялъ, напр., просительную ектенію: „дне всего совершенна...“ и проч. При раскрытіи мыслей „я,—говоритъ *В. Θ.*,—избѣгалъ краснорѣчія, не употреблялъ даже текстовъ или выраженій славянскихъ; не приводилъ примѣровъ изъ ветхозавѣтной исторіи, потому, что вполне увѣренъ былъ, что на эти простыя сердца, для которыхъ совершенно неизвѣстны были ни Адамъ, ни Авраамъ, ни Ной, можно дѣйствовать съ болѣею пользою примѣрами, заимствованными изъ ихъ жизни или изъ жизни св. подвижниковъ. А между тѣмъ, по временамъ рассказывалъ, какъ сотворилъ Богъ міръ, какъ сотворилъ человѣка; какъ согрѣшилъ человѣкъ; какъ Отецъ Небесный послалъ Единороднаго Сына Своего въ міръ для спасенія насъ грѣшныхъ. Крестьяне умилялись духомъ, стояли около наоя съ лицами любопытствующими, не смѣли духа перевести, когда я говорилъ. Такъ я дѣлалъ не только въ то время, когда учился въ семинаріи, но и въ то, когда уже былъ въ академіи“.

Доступная пониманію проповѣдь привлекла къ молодому проповѣднику большую симпатію со стороны народа. „Когда нужно было везти меня въ академію“, вспоминаетъ *В. Θ. Владиславъ*, „и крестьяне прослышали, что меня куда-то отсылаютъ, они пришли

къ батюшкѣ и просили, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ свое мѣсто". При этомъ произошелъ такой разговоръ. — „Мы ужъ вотъ какъ станемъ его любить“, говорили крестьяне. — „Ишь вы, ребята, небось — не дураки! Нѣтъ, не отдамъ я его вамъ. Дочь моя вотъ, пожалуй, останется вамъ на память обо мнѣ“, говорилъ батюшка. „Намъ бы его те больно хотѣлось“, говорили крестьяне, поглаживая бороды“.

Понявъ рано секретъ простонародной проповѣди, В. О. постарался подѣлиться своимъ открытіемъ съ священникомъ, который поступилъ на мѣсто его скончавшагося родителя со взятіемъ въ замужество дочери послѣдняго (какъ водилось въ старину), и убѣдилъ молодого священника начать дѣло простонародной проповѣди, оставивши въ сторонѣ правила и требованія семинарской реторики. Дѣло было такъ. В. О. Владиславлевъ, уже студентъ академіи, пріѣхалъ на каникулы домой и всегда, каждое воскресенье, каждую службу, говорилъ поученіе. „Зять съ умиленіемъ и благодарностью къ Богу внималъ этимъ простымъ поученіямъ. Между тѣмъ я говорилъ ему, что на немъ лежитъ обязанность учить крестьянъ, и онъ долженъ говорить имъ поученія. Да гдѣ-жъ мнѣ писать! — Такъ говори. Говори проще: чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Молись только Господу, чтобы Онъ Самъ помогъ тебѣ и совершилъ изъ твоихъ устъ Себѣ хвалу.“

Зять сталъ тоже говорить; сначала онъ записывалъ свои поученія, и они дышали истинной простотой, безыскусственностью и любовью къ крестьянамъ. Зять особенно превосходно владелъ языкомъ крестьянскимъ и манерой дѣйствовать на ихъ умъ и сердце. Его проповѣдь была образцовой проповѣдью для крестьянъ. Народъ съ благоговѣніемъ внималъ ему. Помню его проповѣдь, говоренную незадолго до Рождества Христова, о томъ, что крестьяне дурно ведутъ свои иконники, и что чрезъ то оказываютъ неуваженіе и къ самымъ святымъ иконамъ. „Тутъ у тебя и вачадыкъ лежитъ, тутъ и колода картъ засаленныхъ, тутъ и пустой полштофъ, тутъ всякая дрянь. Ладно-ль это, подумай! А вѣдь ты молишься сюда. Ты призываешь на помощь св. угодниковъ, изображенныхъ на иконахъ. А тутъ и соблазнъ, и нечистота, и гадость всякая! Если я приду да увижу это у васъ, я подумаю, что вы хуже татаръ. И они чтутъ своихъ идоловъ, а вы что!“ — Я еще не могу такъ выразить, какъ онъ умѣлъ. Крестьяне очень любили его, — и когда онъ пошелъ въ Рождество по приходу, вездѣ на иконникахъ была чистота и опрятность. Крестьяне сами благодарили его за то, что онъ „научилъ ихъ — дураковъ“.

Итакъ, что же обезпечиваетъ успѣхъ народной проповѣди и вырабатываетъ талантъ самого проповѣдника? Очевидно, слово простое, безыскусственное, понятное, но съ тѣмъ вмѣстѣ — искреннее, сердечное и непрѣменно — изустное.

Считаемъ нужнымъ привести собственные рассказы двухъ отечественныхъ церковныхъ ораторовъ о томъ, какъ они учились церковной импровизации. Признанія весьма поучительны: въ нихъ вдумчивый пастырь найдетъ много практическихъ указаній для самого себя и сразу пойметъ все преимущество живой устной проповѣди предъ жалкой тетрадкой (изъ статьи св. Н. Быстрова въ Цензен. Еп. Вѣд. 4).

„Тридцать лѣтъ (худо-ли, хорошо-ли — не мнѣ судить) я упражнялся въ устной проповѣди, — рассказываетъ знаменитый нашъ витія церковный, архіепископъ харьк. Амосій, въ своемъ „Живомъ словѣ“, — этотъ замѣчательномъ трудѣ, который долженъ быть настоящею книгою, такъ сказать, другомъ и руководителемъ каждаго проповѣдника-импровизатора. Выступилъ я на иприщѣ импровизации совершенно случайно. Въ Москвѣ еще свѣжа память объ уиномъ и весьма замѣчательномъ баринѣ прежняго тиша, Федорѣ Васильевичѣ Самаринѣ, отцѣ извѣстнаго Юрія Федоровича. Съ самаго начала моего священническаго служенія въ 1849 году, я имѣлъ честь (дѣйствительную честь) по семейнымъ моимъ обстоятельствамъ сдѣлаться ему извѣстнымъ. Въ то время здоровье О. В-ча уже слабѣло, онъ духовно располагался уже къ приготовленію себя на путь къ вѣчной жизни и пригласилъ меня къ себѣ для чтенія книгъ и собесѣдованія по одному и по два раза въ недѣлю. При частыхъ сношеніяхъ между нами продолжительныя и разнообразныя бесѣды. Однажды я пріѣхалъ къ нему на другой день большого праздника и какъ-то, по ходу рѣчи, сталъ съ жаловаться на беспорядочность нашего простого народа при исполненіи обрядовъ и особенно за всенощными бдѣніями при поклоненіи св. иконамъ и помазаніи святымъ елеемъ. И вотъ къ какому разговору между нами подало поводъ это мое замѣчаніе. „Что же вы народъ не останавливаете?“ говоритъ О. В-чъ. — Да какъ мы его остановимъ, — отвѣчаю я, — когда и полиція часто не знаетъ, что съ нимъ дѣлать? — „Вы обязаны говорить народу и учить его, когда замѣчаете въ храмѣ беспорядки; кто же и долженъ это дѣлать, если не вы?“ — Такъ, но мы можемъ говорить это въ проповѣдяхъ только по праздникамъ; одни изъ народа придутъ въ церковь и услышатъ наше слово, а другіе нѣтъ; да и тѣ, которые слышатъ, скоро забываютъ или не считаютъ себя обязанными исполнить слышанное“. — „Говорите чаще, говорите всякій разъ и въ ту самую минуту, когда замѣчаете беспорядокъ, обличайте на мѣстѣ нарушителей порядка, — тогда всѣ будутъ васъ слушать и привыкнуть слушаться!“ — Ну, къ этому мы не привыкли, говорю я; не водится у насъ и не умѣемъ мы говорить сейчасъ въ данную минуту, по требованію обстоятельствъ“. — „Какъ вамъ не стыдно говорить это!“ — отвѣчаетъ, возвышая голосъ, весьма чинный О. В-чъ: „вы говорите со мной по цѣлымъ часамъ, говорите свободно о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и не можете сказать нѣсколько словъ нашимъ прихожанамъ, когда это крайне нужно! Вы особенно вы, непременно должны это дѣлать! Не убоитесь, — учитесь, привыкайте!“ Крѣпко задумался я, возвращаясь домой отъ вочтеннаго старца. Богъ какъ-то думаю, умные люди, — сторонніе понимаютъ наши обязанности и какіе пріятные даютъ намъ совѣты! Что же мы? Да „стыдно намъ“! Я рѣшился въ слѣдующее же воскресенье произнести не писанное слово. Обстоятельства благопріятствовали: у насъ строилась трапезная церковь, богослуженіе совершалось въ небольшой холодной церкви, и была по праздникамъ одна ранняя литургія; предмета, избраннаго тогда мною, теперь не помню. Началъ служить литургію въ озабоченномъ состояніи духа. По той мѣрѣ, какъ приближалось время

проповѣди, я сталъ чувствовать возрастающее безпокойство, и когда надо было отверзать царскія двери послѣ пріобщенія, и мнѣ слѣдовало приказать поставить аналогій, мною овладѣлъ такой страхъ, что я едва прочиталъ заамвонную молитву, чуть не лихорадка приняла меня, и я не вышелъ для проповѣди. Прихожу домой. Спрашиваютъ: „что съ вами? Почему не говорили слова?“ — „Оробѣлъ“, — отвѣчаю я. — „Чего? почему?“ — „И самъ не знаю“, и горько, и стыдно было мнѣ моего малодушія, но тѣмъ не менѣе преодолѣть страхъ на этотъ разъ было выше моихъ силъ. Въ дни недѣли до слѣдующаго воскресенья я былъ въ грустномъ настроеніи духа; съ Самаринимъ разговора объ этомъ не возобновлялъ, опасаясь справедливаго отъ него замѣчанія и пристыженія. Наканунѣ слѣдующаго воскресенья я рѣшился повторить опытъ. Далъ своимъ домашнимъ, которые также сочувствовали моей заботѣ, честное слово, что упаду у аналогія, но выйду. Это была недѣля предъ началомъ постной тріоди и предстояло чтеніе евангелія о Закхѣѣ. Размышляя о содержаніи предстоящаго евангелія, думаю про себя: вѣдь смогу же я рассказать, какъ малорослый Закхей влѣзъ на дерево, чтобъ видѣть Иисуса Христа, какъ увидѣлъ его и обратился къ нему Господь, какъ былъ въ его домѣ и что говорилъ и пр. Вѣдь маленькія дѣти это рассказываютъ. Въ крайнемъ случаѣ смущенія, запутанности въ словахъ, опасности „срѣзаться“ и замолчать скажу „аминь“ и сдѣлаю видъ, что почувствовалъ нездоровье. Пришедши къ богослуженію, чтобъ обязать себя, я заранѣе распорядился, чтобы былъ поставленъ аналогій, сказалъ, что будетъ проповѣдь; а про себя повторилъ: „упаду, но выйду“! Вышелъ, перекрестился, и какъ только сказалъ первыя слова о Закхѣѣ, страхъ исчезъ совершенно, я почувствовалъ какую-то радость, что побѣдилъ, повидимому, непобѣдимое препятствіе, — говорилъ совершенно спокойно и развязно, вывелъ изъ событія приличное назиданіе: однимъ словомъ сказалъ проповѣдь во всей формѣ. Пришелъ я домой совершенно счастливый, родные поздравляли меня съ успѣхомъ, у нѣкоторыхъ на глазахъ выступили слезы. Съ тѣхъ поръ день праведнаго Закхея я встрѣчаю, какъ великій праздникъ... Не знаю, встрѣчалось-ли съ другими, при первыхъ опытахъ устной проповѣди, что-либо подобное тому, что было со мной. Можетъ быть, другіе были тверже духомъ, смѣлѣе и счастливѣе меня въ этомъ отношеніи, но я увѣренъ, что многихъ и очень многихъ людей способныхъ останавливаетъ отъ импровизаций эта трудность перваго опыта, трудность перейти этотъ Рубиконъ страха и смущенія при мысли стать на кафедрѣ на виду многочисленныхъ слушателей, выдержатъ пристально устремленные на васъ глаза, трудность сохранить хладнокровіе, не растерять приготовленныхъ мыслей, найти имъ приличныя выраженія и т. п... Проповѣднику ученія Христова надо отбросить въ сторону самолюбіе, желаніе отличиться, но задаться мыслію исполнить обязанность проповѣдывать Слово Божіе, употребить въ дѣло данный Богомъ талантъ и послужить Церкви Божіей съ усердіемъ. При этомъ не страшны будутъ и первыя неудачи: пріятное чувство исполненнаго долга вознаграждаетъ за трудъ борьбы съ самимъ собою, а навыкъ обратитъ этотъ родъ пропо-

вѣди въ истинное наслажденіе“. (Полное собраніе проповѣдей. Томъ V, стр. 103—107).

Епископъ молдавскій Стефанъ рассказываетъ о себѣ почти такую же исторію. „Первый годъ моего священства я не рѣшался проповѣдывать съ церковной кафедрѣ, — пишетъ преосвященный. Главною причиною тому было сознаніе своей немоши въ ораторскомъ искусствѣ. На второмъ году служенія мнѣ пришлось для поправленія здоровья пробить нѣкоторое время на южномъ берегу Крыма. Священникъ селенія, куда я пріѣхалъ, давній мой знакомый, былъ боленъ и не могъ служить. Я съ готовностью предложилъ ему свои услуги. Служилъ обычно безъ проповѣди и былъ вполне покоенъ. Но нѣкоторые изъ пріѣзжихъ завели со мною разговоръ о мертвенности современной православной церкви, сравнительно съ католической и протестантской, и въ главное доказательство ставили отсутствіе въ ней церковной проповѣди и происходящій отсюда общій упадокъ у насъ и знанія вѣры своей, и жизни по вѣрѣ, а также упадокъ вліянія пастырей на пасомыхъ. Бывшіе за границей перевозносили въ дѣлѣ проповѣдничества особенно католическое духовенство. Мои возраженія, что проповѣдь и проповѣдники существуютъ и въ нашей православной церкви, были уничтожены ссылкой на меня, сопровождающейся такимъ умозаключеніемъ, что если я, священникъ съ высшимъ духовнымъ образованіемъ, служу безъ проповѣди, то священники съ меньшимъ образованіемъ и подавно поступаютъ также. Споръ, такимъ образомъ, перешелъ въ личный мнѣ упрекъ. Я старался оправдаться тѣмъ, что я не мѣстный пастырь и что въ чужой церкви, по каноническимъ правиламъ, не имѣю права проповѣдывать. На это мнѣ справедливо возразили: „попросите позволенія у мѣстнаго пастыря и, если онъ позволилъ вамъ служить, то долженъ, конечно, позволить и проповѣдывать“. Упреки эти и лично мнѣ, и всему православному духовенству, съ высшимъ образованіемъ особенно, вмѣстѣ съ нареканіемъ на всю нашу православную церковь, тяжелымъ бременемъ легли на мою пастырскую совѣсть и отняли у меня прежнее пастырское спокойствіе духа. Я, хотя и возражалъ своимъ противникамъ, но въ душѣ сознавалъ всю слабость своихъ возраженій. У меня возникъ вопросъ: „неужели въ самомъ дѣлѣ я, 14 лѣтъ учившійся въ духовныхъ школахъ всѣмъ богословскимъ наукамъ, не въ состояніи предложить простого поученія народу?“ Взявъ евангеліе и сиривившись, какое чтеніе положено въ слѣдующій воскресный день, я пошелъ на пустынный берегъ моря и здѣсь, никѣмъ и ничѣмъ не развлекаемый, подъ тихій плескъ морскихъ волнъ, обдумывалъ, что сказать мнѣ по поводу этого чтенія. Обдумавъ детально развитіе мыслей, старался запомнить ихъ послѣдовательность, а главное ихъ общій ходъ. Идя въ воскресенье въ церковь, я послѣдній разъ воспроизводилъ памятью составленную въ умѣ проповѣдь. По „буди имя Господне“ я, не безъ мучительныхъ колебаній и волненій, вышелъ на церковный амвонъ съ своимъ дорожнымъ евангеліемъ: рассказалъ евангельское чтеніе, обращая иногда къ подлиннику, сдѣлалъ приготовленное приложеніе съ ссылками, гдѣ нужно, также на подлинный текстъ Новаго Завѣта. Вышло не такъ худо, какъ я ожидалъ, ибо всѣ богомольцы слу-

шали съ видимымъ вниманіемъ. Ободренный первымъ успѣхомъ, выходя изъ церкви, я пріискалъ евангельское чтеніе на слѣдующій день моего служенія, и въ своихъ прогулкахъ по парку и берегу моря обдумывалъ какъ содержаніе слѣдующей проповѣди, такъ ходъ мыслей и ихъ выраженіе. Второй разъ говорилъ смѣлѣе и увѣреннѣе, а затѣмъ уже и всякую литургію сопровождалъ проповѣдью, такимъ же образомъ готовясь къ ней. Съ каждой службой болѣе и болѣе прибавлялось народу, и я уходилъ изъ церкви съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія и сознанія исполненнаго пастырскаго долга. На послѣднемъ моемъ служеніи (хотя никто не зналъ, что оно послѣднее) было уже такъ много народу, что, не смотря на открытыя двери, нѣкоторые отъ духоты лишились чувствъ... Нѣчто подобное, что испыталъ я при первомъ выступленіи на церковную кафедру въ санѣ священника, я переживалъ при первыхъ своихъ поученіяхъ въ санѣ епископа. Въ началѣ безъ стѣсненія я выступалъ лишь при служеніи въ своемъ куряжскомъ деревенскомъ монастырѣ, но постепенно болѣе и болѣе свободно сталъ выступать и въ самомъ Харьковѣ, не только съ поученіями въ кафедральномъ соборѣ и др. церквяхъ, но и съ рѣчами въ общественныхъ собраніяхъ предъ высшей блестящей публикой. Теперь для меня слишкомъ тяжело выходить изъ церкви, если мною или вѣмъ-либо другимъ не предложено поученіе собравшемуся народу... Выйдя разъ на церковную кафедру безъ тетрадки и даже безъ предварительнаго письменнаго изложенія проповѣди, я даже стѣснялся потомъ выходить съ тетрадкой даже и тогда, когда заранѣе письменно готовилъ проповѣдь. И думаю, что проповѣдь, обращенная къ слушателямъ прямо, безъ посредства тетрадки и авалоа, не только *дѣйствительнѣе*, но и *легче* для пастыря, особенно обремененнаго другими пастырскими обязанностями. Правда, на первыхъ порахъ устное живое слово труднѣе писаннаго, ибо требуется не только составить его въ умѣ, но и запомнить весь ходъ и порядокъ мыслей, и самый образъ ихъ выраженія. Но за то письменное приготовленіе проповѣди возможно только за письменнымъ столомъ и требуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго за нимъ пребыванія что не всегда возможно. Привыкнувъ же умственно, безъ пера въ рукахъ, составлять поученія, можно дѣлать это и во время пути по дѣлу и во время отдыха въ постели, въ минуты засыпанія и пробужденія, и такимъ образомъ пользоваться тѣми иногда не малыми минутами, которыя на письменное приготовленіе проповѣди употребить никакъ невозможно. По мѣрѣ упражненія въ этомъ, развивается въ извѣстномъ направленіи и соображеніе и память; въ послѣдней болѣе накапливается матеріалъ, почему иногда достаточно бываетъ нѣсколькихъ минутъ обдумыванія предъ самымъ богослуженіемъ, чтобы смѣло выступить съ импровизированною проповѣдью.

Въ журналѣ „Кормчій“ (№ 19-й с. г.) излагается слѣдующій совѣтъ пастырямъ, стѣсняющимся выступать предъ слушателями съ живымъ словомъ. Бывшій ректоръ спб. академіи, *преосвященный Серій*, въ устной бесѣдѣ высказался о проповѣди такимъ образомъ: „Хорошо говорить хоть что-нибудь отъ *крупицъ* своего знанія. Но проповѣдь неотдѣлима отъ молитвы“.

1124
Серьезно, полнымъ убѣжденіемъ голосомъ подтвердилъ архипастырь: „если только не смотреть на проповѣдь какъ на литературное или ораторское произведеніе, должно быть такое расположеніе сердца: помоги, Господи, хоть что-нибудь сказать, пусть некрасиво, но чтобы хоть сколько-нибудь содѣйствовать распространенію Твоего Царства. Только, чтобы то и другое было искренно, отъ души, и только“.

„Скажу прямо, что не знаю лучшаго руководителя для себя въ дѣлѣ проповѣди и нахожу его вполне достаточнымъ для того, чтобы проповѣдь была натуральною и безыскусственною: лишь только вспомню, что плодъ и успѣхъ проповѣди зависятъ отъ силы Божіей, прогоняется тщеславная неловкость и слово становится мягче отъ сознанія своей немощи; лишь только вспомню, что моя дѣль очень скромная и что говорю только „*крупицы*“ свои, т. е. самыя простыя, почти всенародно извѣстныя вещи,—выхожу изъ неприятнаго положенія учителя, „господствующаго надъ наследіемъ Божіимъ“.

Выходитъ, что центръ тяжести не въ краснотѣ, даже не въ „содержательности“ слова, а въ дѣйствіи его на сердца слушателей; объ этомъ и нужно, прежде всего, сознавъ свою немощь, просить небесной помощи. Эта мысль глубоко вѣрная и не новая, конечно. „Успѣхъ“, пишетъ святитель Иннокентій Пензенскій, „не наше дѣло, а Господне; наше дѣло свидѣтельствовать истину во славу Божію“. „Многіе“, учитъ св. Златоустъ, „когда меньше всего надѣялись на успѣхъ, тогда особенно и успѣвали“, конечно, во дѣйствию и силу Бога, избирающаго „не мудрое міра сего, чтобы посрамить мудрыхъ“. И самъ ап. Павелъ говорилъ: „когда я немощенъ, тогда силенъ (2 Кор. 12, 10)“, и ч. довольно было для него благодати Божіей.. О. Іоаннъ Кроштанскій передъ проповѣдью молился Богу о помощи, а послѣ проповѣди благодарилъ за нее Бога („Два дня въ Кроштан.“).

Вторая главная мысль преосвященнаго не замѣчается широкими цѣлями. И зачѣмъ? „Аще твою прискорбиши о грѣсѣхъ, и то тебѣ будетъ превеликое врачевство“, учитъ св. Златоустъ. Если послѣ проповѣди изъ 1000, напр. случаевъ божбы въ день, въ приходѣ ихъ будетъ 999,—и за то слава Богу; если хоть у одного слушателя изъ 10 недуговъ окажется ихъ нѣсколько меньше,—и то хорошо; если одна изъ многихъ душъ, чающихъ утѣшенія изъ незнакомаго Слова Божія, получить его, и это счастье. Важно тутъ не количество плода, а „неослабность“ въ желаніи приносить хоть малую пользу. И стаканъ холодной, холодной, чтобы ты не отговаривался тратой дровъ на нагрѣваніе воды) воды, поданной во имя Господне, не забыть у Него. „Вѣрный въ маломъ и во многѣмъ вѣренъ, и невѣрный въ маломъ невѣренъ и во многѣмъ (Лук. 16, 10)“, утѣшаетъ Господь тѣхъ, кто смущается „малымъ“ или пренебрегаетъ имъ. Широкіе горизонты мысли и „премудрыя слова“ выносятся и не выходятъ изъ предѣловъ безполезной схоластики. По слову апостола, „разумъ кичитъ, а любви созидаетъ“. И Господь не любилъ фарисеевъ, можетъ быть, за то, „что они возлагали на плечи людей бремена неудобноносима“. Поэтому нужно стараться сообщать на проповѣди именно „*крупицы*“ своихъ знаній богословскихъ, опыта практическаго, наблюдений надъ жизнью, предостереженій. Это и просто, и легко...

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Современное состояніе Россіи. Кадетскій съѣздъ въ Гельсингфорсѣ. Резолюціи студентовъ при открытіи высшихъ учебныхъ заведеній. Общее положеніе дѣлъ въ Россіи по взгляду гр. Витте и премьеръ-министра г. Столыпина. Арестъ шайки грабителей. Извѣстіе изъ Сердобска.

Россія въ настоящій моментъ представляетъ собой „мертвую зыбь“. Такъ характеризуетъ современное состояніе нашего отечества кн. Е. Н. Трубецкой („Московск. Еженедѣльн.“). Мы видимъ разрозненные волны, которыя несутся безъ направленія и безъ цѣли. Неизвѣстно, какой вѣтеръ и куда ихъ гонитъ. Нѣтъ того общаго стремленія, которое бы объединяло разбушевавшуюся стихію. Дробленіе справа, дробленіе слѣва, дробленіе въ центрѣ. Всюду раздоръ и злоба безъ воодушевленія. Причина, по которой мы не можемъ объединиться, та, что ищемъ объединенія тамъ, гдѣ его невозможно найти — въ сферѣ шкурныхъ интересовъ и животныхъ инстинктовъ. Нѣтъ партіи, которая не строила бы своей тактики на чьихъ-нибудь шкурныхъ интересахъ, будь то шкура буржуазіи, пролетаріата или крестьянства.

Общественное движеніе сбилось съ пути и сдвинулось съ своихъ нравственныхъ основъ; вотъ почему оно терпитъ крушеніе. Нельзя строить общество на животномъ, буржуазномъ страхѣ и инстинктѣ самосохраненія; но его нельзя строить и на алчности злобѣ и человѣконенавистническихъ чувствахъ озвѣрѣвшей массы, ибо животные инстинкты — это тѣ самыя центробѣжныя силы, которыя рвутъ на части общественный организмъ. Кто обращается къ нимъ, тотъ строитъ на пескѣ. Мы забыли о самомъ главномъ — о человѣкѣ и его достоинствѣ.

Нѣтъ того порока, который бы по чьимъ-либо „тактическимъ соображеніямъ“ не былъ перекрещенъ въ политическую добродѣтель. Воровство и дневной грабежъ теперь называется „экспроприаціей“; поджогъ помѣщицкѣй усадьбы именуется „бойкотомъ“; свальный грѣхъ носитъ громкое названіе „свободной любви“. Ко всякому безобразію привѣшенъ особый политическій ярлыкъ, который его оправдываетъ и украшаетъ. И это ниспроверженіе этики не есть что-либо случайное въ современной общественной жизни: на немъ зиждутся наиболѣе популярныя, ходячіе планы общественнаго переустройства. Расчетъ на озвѣрѣніе народныхъ массъ играетъ въ нихъ первостепенную роль. Чтобы поднять народъ противъ власти, иные „друзья“ разжигаютъ его аппетиты, а затѣмъ отдають ему на растерзанье чужую собственность и если нужно личность.

Но „расчетъ“ оказывается глубоко-ошибочнымъ. Можно, разумѣется, довести людей до того состоянія ожесточенія, при которомъ они становятся похожими на стаю хищныхъ звѣрей, и если вы бросите имъ кусокъ мяса, они не только растерзають мясо, но при этомъ перегрызуть и другъ друга. Аппетиты не объединяють, а разъединяють.

Этимъ объясняется крушеніе всѣхъ попытокъ построить революцію на аграрныхъ бунтахъ. Бунты эти вносятъ глубокую рознь въ крестьянскую среду. Ограбивъ помѣщиковъ, крестьяне обыкновенно начинаютъ грабить и жечь тѣхъ, кто побогаче изъ крестьянъ, потомъ громилы начинаютъ жечь не участвовав-

шихъ въ погромѣ, а эти въ отместку, въ свою очередь, жгутъ громиль. Въ концѣ-концовъ крестьянское движеніе носитъ на себѣ общій отпечатокъ всего нашего русскаго общественнаго движенія. Оно не сливается во единую, мощную волну. Это не затишье и не буря, а мертвая зыбь.

Что объединило насъ, русскихъ, назадъ тому тридцать лѣтъ, въ годы высокаго подъема національнаго самосознанія? Въ то время мы не думали о какихъ-либо матеріальныхъ интересахъ и выгодахъ: мы шли освободить угнетенныхъ славянъ изъ-подъ турецкаго ига, — насъ объединила любовь къ ближнему, безкорыстный подвигъ челоуѣколюбія. Россія нашла свое „я“ въ самоотверженномъ служеніи общечеловѣческимъ идеаламъ добра и правды. Вся наша надежда въ томъ, что мы не утратили этой способности къ великимъ идеалистическимъ порывамъ и можемъ подняться надъ „шкурой“.

Но по поводу кадетскаго съѣзда въ Гельсингфорсѣ „Нов. Вр.“ пишетъ: На кадетскомъ съѣздѣ въ Гельсингфорсѣ цѣлыхъ четыре дня тянулись пренія объ отношеніяхъ партіи къ выборгскому воззванію; въ началѣ довольно спокойныя, пренія съ каждымъ засѣданіемъ становились все болѣе и болѣе страстными, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что между взглядами лѣвыхъ и правыхъ, меньшинства и большинства существуетъ непримиримое противорѣчіе. Меньшинство настаивало на томъ, чтобы съѣздъ открыто санкціонировалъ революціонную пропаганду въ духѣ выборгскаго воззванія, да еще съ нѣкоторыми добавленіями къ нему; умѣренное большинство съѣзда рѣшительно отвергало эту отчаянную тактику, доказывая, что она сильно повредитъ партіи, организація которой и безъ того въ значительной степени разстроена, и приведетъ партію только къ новымъ разочарованіямъ. Однако никакіе разумные доводы не подѣйствовали на зарвавшихся сторонниковъ революціонной тактики, и меньшинство, въ числѣ до шестидесяти челоуѣкъ, внесло на съѣздъ свою особую резолюцію, рекомендующую кадетской партіи „приступить къ организаціи на мѣстахъ пассивнаго сопротивленія“; другими словами, партіи предлагается разослать своихъ агентовъ по селамъ и деревнямъ, чтобы подстрекать крестьянъ не давать рекрутовъ во время предстоящаго въ скоромъ времени набора. Резолюція большинства, напротивъ, предлагала положить подъ сукно выборгское воззваніе именно на время призыва 1906 года.

Предложеніе меньшинства исключить изъ резолюціи центральнаго комитета четвертый пунктъ, заключающій отказъ отъ примѣненія выборгскаго воззванія въ текущемъ году, было отвергнуто 84 голосами противъ 44. Но радикальное меньшинство не унялось; оно рѣшилось выйти изъ партіи и проводить на мѣстахъ свою особую тактику, губительную для конституціонно-демократической партіи въ ея цѣломъ составѣ. Такимъ образомъ раскола конституціонно-демократической партіи уже нельзя ни избѣжать, ни скрыть. То обстоятельство, что на съѣздѣ явилось менѣе половины того количества делегатовъ, на которое рассчитывали организаторы съѣзда, и что денежные взносы въ общую кассу кадетской партіи стали поступать очень скудно, ука-

зываетъ на извѣстное охлажденіе членовъ партіи къ ея центральному комитету: одни полѣвли, другіе поправѣли.

Какъ извѣстно, на кадетскую партію возлагались исключительныя надежды и отъ нея ждали большой государственной работы. Между тѣмъ Гельсингфорскій съѣздъ долженъ внести большое разочарованіе и значительно пошатнуть авторитетъ партіи. Нѣкоторые изъ лидеров партіи должны понять что нельзя слишкомъ безопасно играть такими вещами, какъ неповиновеніе Монарху. Пассивное сопротивленіе, рекомендуемое съѣздомъ, въ сущности есть политическая обструкция, распространяющаяся на всю страну. Авторы выборгскаго воззванія объявили заговоръ не платить податей, не давать Государю рекрутъ. Напрасно увѣряютъ, что такая стачка—вещь мирная и противоположна революціи. Этотъ методъ борьбы глубоко революціонеръ и отличается отъ открытаго бунта лишь своею нечестностью. Бунтъ есть вещь по крайней мѣрѣ искренняя, открытая. Бунты служатъ показателемъ предѣла терпѣнія народнаго и необходимости не доводить до нихъ. Пассивное же сопротивленіе есть такое же сверженіе власти, но фальшивое. Людей приходится подбадривать, убѣждать, увлекать въ стачку силой. Путемъ агитаціи создаютъ гипнозъ, внушаютъ недовольство, возбуждаютъ классовую вражду. Если народъ не идетъ на стачку, его принуждаютъ насиліемъ—угрозами, клеветой, убійствами изъ-за угла.

Будучи обструкціей, система пассивнаго сопротивленія безчестна. Она разоряетъ народъ. Отказаться отъ работы, не платить налоговъ, не давать рекрутъ—это не выигрышъ, а страшный проигрышъ для страны. Отказаться отъ податей и рекрутъ значитъ накинуть на свое государство петлю. Безчестно пассивное сопротивленіе и потому, что при немъ хитрые выигрываютъ на счетъ простецовъ.

Россия уже въ достаточной мѣрѣ испытала ужасныя послѣдствія всякаго рода забастовокъ, которыя способны въ-конецъ разорить страну и нанести пагубные удары нашей матеріальной и духовной культурѣ. Соціалъ-революціонеры выдвигали разнаго рода утопіи, которыя имѣли не малое обаяніе для рабочихъ и крестьянъ. Темная, политически-невѣжественная масса, обманутая фанатиками и авантюристами, несла тяжелыя жертвы въ надеждѣ, что все потерянное вернется сторицею и слѣдствіемъ временнаго бѣдствія явится несказанное благополучіе. Вполнѣ понятно, что когда рабочему говорятъ: „брось свой станокъ и сяди сложа руки, ибо такимъ путемъ ты удвоишь или утроишь своей заработокъ“, то пролетарій, не разбираясь въ вопросѣ о возможности такого чуда, охотно оставляетъ мастерскую и вѣритъ обѣщанію до той поры, пока жестокая дѣйствительность не убѣдитъ его вновь приняться за работу. Надо сознаться, что успѣхъ „великой“ російской забастовки въ значительной степени объясняется склонностью къ праздности, ничего-недѣланью, свойственной въ равной мѣрѣ нашему пролетаріату и интеллигенціи. Результаты „пассивнаго сопротивленія“ оказались, однако, столь гибельными, что даже велико-російская дѣнь оказалась скоро безсильной вызывать частичныя или общіе параличи внутренней жизни“. („Россия“).

Къ тому же, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Озеровъ, лозунгъ не платить налоговъ, объявленный выборгскимъ воззваніемъ, для государственнаго бюджета не можетъ имѣть серьезнаго значенія, такъ какъ прямыя налоги въ государственномъ бюджетѣ не играютъ крупной роли. По смѣтѣ на 1906 годъ налогъ поземельный, съ недвижимыхъ имуществъ, составлялъ 60 милл. руб., промысловый—68 милл. руб. и выкупныя платежи—35 милл. руб.; при томъ промысловый падаетъ, главнымъ образомъ, на крупныя промышленныя и торговыя предпріятія, представители которыхъ ни къ какому бойкоту не склонны. Между тѣмъ обложеніе спиртныхъ напитковъ даетъ 600 милл. руб., обложеніе сахара—91,5 милл. руб., обложеніе табака—48 милл. руб., поступления отъ таможенъ исчислены въ 213 милл. руб. и т. д. Ясно, что при такомъ строеніи бюджета призывъ не платить налоговъ для государственнаго бюджета—пустой звукъ. Чтобы выполнить этотъ призывъ, нужно отказаться отъ употребленія водки, чая, сахара, табака, надо отказаться отъ одежды, по крайней мѣрѣ, отъ употребленія хлопчатобумажныхъ издѣлій и ходить нагишомъ, безъ рубашки, такъ какъ обложеніе хлопка даетъ около 50 милл. руб. Но этотъ призывъ не платить налоговъ вредно отразился на бюджетахъ земствъ, такъ какъ ихъ бюджеты покоятся на прямомъ обложеніи: имъ придется сократить свою дѣятельность, и онъ только косвенно можетъ задѣть государственное казначейство: послѣднему придется выдавать ссуды земствамъ. Принятіе такой мѣры, какъ призывъ къ неплатежу налоговъ въ Россіи, при особомъ строеніи государственнаго бюджета, гдѣ прямое обложеніе играетъ совершенно ничтожную роль, при томъ уплата нѣкоторыхъ налоговъ стоитъ въ воли плательщиковъ, напимѣръ, купонный налогъ съ денежныхъ капиталовъ гдѣ простой налогъ удерживается кассой, оплачивающей купонъ, можно объяснить только или недостаточнымъ пониманіемъ строенія русскаго бюджета, или временной растерянностью лицъ, подписавшихъ этотъ призывъ... („Русск. Слово“).

Открытіе занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ сопровождалось очень характерными резолюціями, выработанными на предварительныхъ сходкахъ студентовъ. По словамъ „Россія“ собиравшаяся на эти сходки молодежь, весьма немногочисленная, но довольно шумливая (какъ вообще „сознательная“), послѣ жаркихъ споровъ и разсужденій, вынесла резолюцію: интересныя съ двухъ сторонъ: какъ характеристичныя времени и какъ показатели научныхъ запросовъ той части учащейся молодежи, которая давно уже проявляла научныя занятія на политиканство.

Вотъ резолюція студентовъ университета: „Принимая во вниманіе, во-первыхъ, что студенческая забастовка, какъ форма пассивнаго протеста, не соответствуетъ достигнутой уже ступени російской революціи; во-вторыхъ, что открытый университетъ, какъ показалъ прошлый годъ, играетъ крупную положительную роль въ дальнѣйшемъ развитіи революціонной борьбы и, въ-третьихъ, что интересы обще-революціоннаго движенія требуютъ концентраціи студенчества въ большихъ городахъ и мобилизаціи его, какъ одного изъ отрядовъ

революціонной демократіи, обще-студенческая сходка постановляетъ считать университетъ открытымъ“.

По вопросу о допущеніи митинговъ въ стѣнахъ университета сходка высказалась такъ: „Считая преждевременнымъ опредѣленіе момента организациі народныхъ митинговъ въ университетѣ, сходка выражаетъ увѣренность, что революціонныя традиціи студенчества (sic) заставляютъ его предоставить университетскія зданія для народныхъ митинговъ, когда этого потребуютъ интересы революціонной борьбы, а до наступленія этого момента считать академическія занятія допустимыми“. Такъ говорили учащіеся въ стѣнахъ своей alma mater.

Резолюціи эти, выражаясь словами М. Горькаго, „звучатъ гордо“, но, увы, въ ихъ напыщенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкихъ фразахъ не проглядываетъ и тѣни уваженія къ наукѣ, незамѣтно ни капли любви къ знанію, къ труду. „Предоставить университетскія зданія для народныхъ митинговъ“... Сколько въ этихъ словахъ грубости по отношенію къ университету, какъ учрежденію чисто-научному, какое глубокое непониманіе значенія университета.

Во имя великой культурной и созидательной силы науки, люди, искренно преданные ей, должны бы все свои силы употребить на то, чтобы въ бурное, революціонное время не сдѣлать университетъ ареной революціонной борьбы, чтобы спасти университетъ отъ вторженія въ него грубыхъ и разрушительныхъ силъ. Наши учащіеся, вынесшіе приведенныя резолюціи, засвидѣтельствовали этимъ полное отсутствіе у нихъ научныхъ интересовъ и любви къ наукѣ.

Слушательницы высшихъ курсовъ постановили на сходкѣ открыть занятіе съ условіемъ отдать аудиторію для революціонныхъ цѣлей по первому требованію „революціоннаго народа“. Справедливо замѣчаетъ по этому поводу „Нов. Вр.“, что „слушательницы высшихъ курсовъ едва-ли дали себѣ отчетъ, что, „предоставляя аудиторію для революціоннаго народа, какъ только онъ этого потребуетъ“, онѣ распоряжались не совсѣмъ своей собственностью, или не только своею. Это походить на угощеніе въ чужомъ домѣ, на продажу чужой вещи,—фактъ, въ русскомъ обывательствѣ не знакомый и чрезвычайно смѣшной. Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ, учрежденные частнымъ образомъ проф. Вл. И. Герье, суть дорогое, долго росшее дерево, посаженное отнюдь не руками курсистокъ и особенно не руками этого набора курсистокъ 1906, 1905, 1904 годовъ. Мы убѣждены что слушательницы возьмутъ свое рѣшеніе назадъ, не опасное, но оскорбительное, такое неделикатное и противорѣчащее всему, что мы знаемъ о женщинѣ по ея прошлому, что мы думаемъ о ней и чего надѣемся“...

Къ счастью, однако, эти резолюціи далеко не выражаютъ мнѣнія всего студенчества, или даже большинства его. Въ составленіи такихъ резолюцій принимала участіе самая незначительная часть студентовъ. Изъ 8 тысячъ студентовъ университета на первой сходкѣ было лишь 1,500 чел., изъ 3—4 тыс. студентовъ-технологовъ на сходку собралось всего 457 лицъ, т. е. менѣе трети всего числа. Является поэтому вполне естественный вопросъ: законны-ли такіа сходки, въ правѣ-ли онѣ называться общестуденческими и

обязательны-ли ихъ постановленія для всѣхъ студентовъ?

Масса безпартійнаго студенчества, къ оторченію наиболѣе „сознательныхъ“ товарищей, повидимому, намѣренно уклоняется отъ сходокъ, интересъ къ которымъ вообще ослабѣваетъ у студентовъ. Академическія стремленія захватываютъ все большіе круги студенчества, а политиканство и связанное съ нимъ для большинства ничего-недѣланье становятся все болѣе противными.

Сотрудникъ „Matin“, имѣвшій случай видѣться съ графомъ Витте въ Парижѣ, сообщаетъ слѣдующіе, не лишеныя интереса, взгляды бывшаго премьера на общее положеніе дѣлъ въ Россіи.

Я не могу предвидѣть будущаго, но, судя по настоящему, я утверждаю, что нынѣшнее несчастное положеніе является результатомъ того, что умѣренныя партіи играютъ въ руку крайнихъ влѣдствіе ихъ постоянныхъ междоусобицъ и пререканій, которыми они унижаютъ другъ друга. Когда умѣренные наконецъ поймутъ, что ихъ теперешняя тактика облегчаетъ пропаганду и роковое вліяніе насильниковъ, когда они сообразятъ, что между ними необходимо единеніе для успѣшной борьбы съ общей опасностью,—порядокъ въ странѣ снова воцарится и все вернется въ норму. Лишь тогда могутъ быть осуществлены серьезныя реформы—полезныя и необходимыя...

Выходъ изъ настоящаго положенія—въ рукахъ умѣренной партіи, къ которой принадлежитъ подавляющее большинство русскаго народа, партіи, которая, сплотившись противъ революціонныхъ и реакціонныхъ теченій, какъ лѣвой, такъ и правой, должна провести необходимыя реформы согласно октябрьскому манифесту, открывшему народу большую долю участія въ законодательныхъ и бюджетныхъ вопросахъ. Я надѣюсь, что эти „умѣренные“ въ близкомъ будущемъ поймутъ, что успокоеніе страны находится въ ихъ власти. („Нов. Вр.“)

Петербургскій корреспондентъ „Journal“ г. Нодо передаетъ свою бесѣду съ министромъ-президентомъ, въ которой П. А. Столыпинъ выразилъ между прочимъ слѣдующіе взгляды на положеніе дѣлъ въ Россіи.

Смертельная болѣзнь? Нѣтъ. Этотъ тяжелый кризисъ не убьетъ Россіи. Каково нынѣшнее положеніе? Хроническая болѣзнь, которая не носитъ признака ухудшенія, а разъ этого признака нѣтъ—болѣзнь излѣчима. Революція? Нѣтъ, это уже не революція. Осенью, въ прошломъ году, можно было говорить съ нѣкоторой правдоподобностью о революціи. Тогда всѣ основы власти, всѣ принципы, на которыхъ покоился старый порядокъ вещей, были одновременно подорваны и ничего не было создано для ихъ замѣны. Въ селахъ и всѣхъ, подъ покровомъ этой растерянности бушевала ужасная жакерія. Да, въ теченіе этого періода можно было опасаться непоправимыхъ бѣдствій. Теперь—употребленіе громкихъ словъ, какъ анархія, жакерія, революція—мнѣ кажется преувеличеніемъ.

Въ отвѣтъ на опасеніе корреспондента относительно примѣненія полевыхъ судовъ г. Столыпинъ сказалъ:

— Что дѣлать! Правительство не цѣль, а средство. Въ чемъ состоитъ цѣль? Цѣль—порядокъ. Правительству, отказывающемуся защищать порядокъ, остается только уйти. Нормальный судъ не имѣлъ въ виду революціонныхъ періодовъ. Онъ установленъ для каранія обычныхъ правонарушеній, преступленій общаго права. Для исключительныхъ положеній необходимы исключительныя средства. При нынѣшнемъ строе вещей учрежденіе полевыхъ судовъ не только объяснимо— оно необходимо. Въ любомъ государствѣ всякое правительство, которое не поставило бы себѣ цѣлью общественнаго распада, поступило бы также, какъ поступили мы.

На замѣчаніе корреспондента, что полевые суды считаются западною печатью пристрастными и казнятъ лишь революціонеровъ, потакая реакціоннымъ элементамъ, министръ президентъ возразилъ:

— Полевые суды считаются только съ лицами, захваченными на мѣстѣ преступленія. Они судятъ лишь преступниковъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ установленіе „полчнаго“ представляется болѣе затруднительнымъ, чѣмъ въ другихъ. Но въ общемъ, я заявляю, что все преступленія будутъ въ равной степени наказуемы и виновники извѣстныхъ категорій преступленій не найдутъ въ ихъ принадлежности къ той или иной партіи защиты, могущей избавить ихъ отъ законной кары.

Г. Нодо отмѣтилъ различіе въ мѣрахъ, принимаемыхъ къ журналистамъ различныхъ лагерей, вслѣдствіе чего въ журналистикѣ установилась полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, на что г. Столыпинъ сказалъ:

— Это слѣдствіе объявленія осаднаго положенія. Но кто создалъ его необходимость? Газеты могутъ быть закрываемы административными распоряженіями лишь въ городахъ, находящихся въ осадномъ положеніи. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ неукоснительно примѣняется обыкновенный законъ. Нашъ законъ о печати одинъ изъ болѣе либеральныхъ законовъ Европы. Нарушенія этого закона подлежатъ исключительно разсмотрѣнію судебныхъ учрежденій и лишь постановленіями послѣднихъ правонарушители могутъ быть приговорены къ лишенію свободы. Такъ, напримѣръ, въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ осаднаго положенія, тонъ газетъ крайне рѣзокъ. Личныя нападки на того или иного члена правительства носятъ характеръ ядовитаго глумленія. Эти памфлеты производятъ огромное впечатлѣніе на необразованные классы населенія, слѣпо вѣрящіе печатному слову. Тѣмъ не менѣе, по буквѣ закона, эти газеты пользуются полной свободой распространенія. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы и во Франціи, и въ другихъ государствахъ отдали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что именно такое эта революціонная литература. Но даже и теперь, въ районахъ, объявленныхъ въ осадномъ положеніи, мы запрещаемъ лишь тѣ революціонныя органы, которые возбуждаютъ народъ къ насиліямъ или позволяютъ себѣ нападки на особу Государя Императора. Тѣ же газеты, которыя ограничиваются борьбой на почвѣ мнѣній, пользуются полной свободой. На меня лично могутъ нападать сколько угодно; мнѣ это все равно. Въ

явленіяхъ этого порядка и предпочитаю воздерживаться отъ возмездія. Одна маленькая туркестанская газетка называетъ меня Хлестаковымъ. Мнѣ это безразлично. Горю въ томъ, что печать не ограничивается спорами, аргументаціями и оскорбительными личными нападками, но проповѣдуетъ возстаніе. Есть ли хотя бы одно государство въ Европѣ, которое допустило бы такую проповѣдь?

Московской сыскной полиціей закончено дознаніе относительно производившихся въ послѣднее время грабежей съ обычными криками: „руки вверхъ“ шайками вооруженныхъ людей. Путемъ произведенныхъ за послѣднее время арестовъ удалось выяснитъ, что въ цѣломъ рядѣ грабежей фигурировали двѣ шайки. Одна изъ нихъ была организована, по даннымъ дознанія, весной нынѣшняго года студентомъ московскаго университета Переплетчиковымъ, котораго осѣнила мысль заняться „экспроприаціей“. Проектъ былъ разработанъ при участіи одного изъ пріятелей Переплетчикова, дознаніемъ не выясненнаго. Они пригласили въ свою компанію: кадета Сергѣя Хлѣбникова, бывшаго рабочаго Путиловскаго завода Николая Николаева, Александра Горелуцкаго, обвиняемаго за участіе въ декабрьскомъ возстаніи, и бывшаго конторщика Карла Аппена. Переплетчиковъ, по даннымъ дознанія, былъ избранъ атаманомъ этой шайки, а Аппенъ досталъ револьверы и винжалы. Совершивъ нѣсколько удачныхъ грабежей, эта шайка вскорѣ соединилась съ другой, во главѣ которой стоялъ предѣдатель союза сапожниковъ Петръ Андреевъ Львовъ, работавшій въ вечернихъ газетахъ. Соединенная шайка, во главѣ которой сталъ Львовъ, пополнилась членомъ союза сапожниковъ Яковомъ Рожновымъ, секретаремъ и назначаемъ безработныхъ Яковомъ Федуловымъ, завѣдывавшимъ столовой для безработныхъ Янкелемъ Мустановымъ, судившимся за растрату, завѣдующимъ столовой Михаиломъ Замотиннымъ и нѣкимъ Карпомъ Псаевымъ. Каждый изъ членовъ шайки имѣлъ особую ключку. На общихъ собраніяхъ они разработали нѣсколько плановъ грабежей, которые и были совершены. Между прочимъ выяснено, что члены шайки рѣшили пристрѣливать своихъ раненыхъ при грабежахъ товарищей, чтобы тѣ въ случаѣ ареста не могли выдать остальныхъ. Теперь все перечисленные лица арестованы и привлекаются къ отвѣтственности. („Нов. Вр.“).

Въ Нов. Вр.* г. Уваровъ рассказываетъ слѣдующій весьма характерный эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ г. Сердобскѣ, саратовской губ.

Считаю необходимымъ обратить всеобщее вниманіе на крайне важный фактъ, бывший наднихъ въ горѣ Сердобскѣ, саратовской губерніи.

Фактъ этотъ мѣстными радикальными газетами, конечно, старательно обойденъ; замолчить его, вѣроятно, изъ тѣхъ же партійныхъ соображеній и столичная печать, а между тѣмъ есть о чемъ призадуматься.

Итакъ, наднихъ слушалось въ Сердобскѣ съ пріежными заведателями дѣло по обвиненію громилъ-крестьянъ въ разграбленіи и поджогѣ усадьбы землевладѣлицы Жуковой. Защитникомъ авался г. Мисо-

двовъ, недавно еще занимавшій видное мѣсто въ прокуратурѣ, но теперь по идейнымъ“ соображеніямъ перешедшій въ ряды присяжныхъ повѣренныхъ и специализировавшійся, вѣроятно, изъ тѣхъ же соображеній въ защитѣ погромщиковъ нашей губерніи. По обычному трафарету защитниковъ по погромнымъ дѣламъ, г. Мясоѣдовъ успѣшилъ отвести изъ числа присяжныхъ засѣдателей всѣхъ, которые имѣли какое-либо касательство къ номѣщикамъ и ихъ интересамъ; составъ засѣдателей оказался исключительно крестьянскимъ. Начавъ свою защитительную рѣчь, г. Мясоѣдовъ сталъ доказывать, что всѣ должны прекрасно понимать, что погромы и поджоги усадьбъ неизбежны и естественны, разъ по винѣ правительства условія крестьянской жизни такъ невыносимы а поэтому погромщики рѣшительно напрасно попали на скамью подсудимыхъ.

Однимъ словомъ, г. Мясоѣдовъ сталъ повторять приблизительно то, что мы слышимъ на судебномъ разбирательствѣ всѣхъ подобныхъ дѣлъ. Крестьяне, присяжные засѣдатели, слушали, слушали, вдругъ встали, подошли къ судейскому столу и заявили, что они уходятъ, ибо рѣшительно не желаютъ слушать подобныхъ рѣчей. Конечно, общее смущеніе, товарищъ прокурора потребовалъ занесенія въ протоколъ всего происшедшаго; судъ послѣ совѣщанія просилъ присяжныхъ засѣдателей продолжать засѣданіе, обѣщавъ, что они болѣе не услышатъ подобныхъ рѣчей.

Въ результатѣ обвинительный приговоръ громиламъ.

Какъ нравится вамъ публичный урокъ, данный „просвѣщенному“ юристу „темными“ крестьянами?

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Г. редакторъ! Священники многихъ епархій обращаются ко мнѣ съ вопросомъ: вышла-ли, или скоро-ли выйдетъ 2-я часть моего сочиненія: „Разсмотрѣніе напечатанной поповцами книги: „Церковь Хр. временно безъ епископа“?

Не имѣя возможности отвѣчать каждому отдѣльно, прошу Васъ не отказать сообщить чрезъ посредство Вашего изданія, что 2-я часть названнаго сочиненія печатается, по частямъ, въ журналѣ „Миссіонерскій Сборникъ“, издающемся въ Рязани.

О.о. и г.г. редакторовъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, сочувствующихъ дѣлу противораскольнической миссіи, прошу перепечатать настоящее письмо для свѣдѣнія духовенства.

Нижегородскій епархіальный миссіонеръ
О. Круловъ.

ВАЖНѢЙШАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 29 сент. (Официально). Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ предписать по духовному вѣдомству, дабы во всѣхъ церквяхъ Имперіи 17 октября совершена была божественная литургія и по окончаніи оной благодарственное молебствіе въ воспоминаніе

чудеснаго спасенія Августѣйшаго семейства отъ смертной опасности и по случаю дарованія Высочайшаго манифеста 17 октября съ возношеніемъ молитвъ ко Всевышнему о благоденствіи всемилостивѣйшаго Монарха и дарованіи всѣмъ Его вѣрноподаннымъ силъ и доброй воли содѣйствовать совершенію въ мирѣ и любви великаго дѣла выполненія Высочайше предначенныхъ реформъ. Святѣйшій Синодъ уповаетъ, что пастыри церковные, призывая къ молитвѣ своихъ пасомыхъ, не преминутъ разъяснить имъ, что пользование дарованною по Высочайшему манифесту гражданской свободой налагаетъ на вѣрноподанныхъ христіанъ обязанность въ своемъ поведеніи и отношеніяхъ къ своимъ ближнимъ поступать въ духѣ христіанскаго братолюбія, что свобода Христова не есть свобода на своеволіе и буйства мятежныя, ведущія къ враждѣ братоубійственной, а свобода мира и любви не только къ друзьямъ и братьямъ христіанамъ, но и людямъ, чуждымъ святой вѣрѣ нашей, и что по слову Августѣйшаго нашего Монарха только въ полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшеніе народнаго быта.

МОСКВА, 29 сент. Окончательная резолюція соединеннаго собранія столичныхъ комитетовъ союза 17 октября гласитъ, что союзъ всегда ставилъ главной задачей содѣйствовать мирному преобразованію строя на твердомъ основаніи манифеста 17 октября. Если существуетъ разногласіе между союзомъ и Шиповымъ, то перемѣна произошла не въ союзѣ, партія подчеркиваетъ свою непоколебимую твердость. К.-д., руководившіе Думой, отказались осудить убійства погромы и революціонныя насилія и приняли участіе въ призывѣ къ противогосударственнымъ дѣйствіямъ, съ другой стороны правительство приступило къ рѣшительному подавленію анархіи, развившейся на почвѣ революціи и разбойничества, не останавливаясь передъ крайними мѣрами. Союзъ 17 октября призналъ, что тяжелая необходимость можетъ заставить въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, но мѣры не должны переступать предѣлы строгости, возмущающіе нравственное чувство и подрывающіе довѣріе къ государственной власти. Союзъ утверждаетъ, что никакія мѣры борьбы съ революціоннымъ движеніемъ не дадутъ прочнаго умиротворенія безъ укрѣпленія конституціоннаго строя и проведенія демократическихъ реформъ; будучи конституціоннымъ, союзъ не можетъ примкнуть къ неистовой травлѣ стоящаго у власти правительства, которую ведутъ крайнія партіи до новаго созыва представительства, когда нѣтъ вѣроятности на замѣну существующаго бюрократическаго кабинета другимъ. Упорная агитація противъ министерства не преслѣдуетъ разумной цѣли и можетъ ослабить всякую будущую власть и играетъ въ руку анархіи, призывая къ дружной работѣ. Комитетъ видитъ единственный выходъ въ избраніи такого представительства, которое не только захочетъ, но и сумѣетъ направить Россію къ утвержденію конституціоннаго строя свободы.

ТИФЛИСЪ, 29 сент. Въ Шушѣ въ 2 армянскихъ церквяхъ обыски въ алтаряхъ обнаружили 46 снаряженныхъ бомбъ, 2 ружья съ патронами, 7 кинжаловъ

и мѣшки стружекъ, облитыхъ керосиномъ для поджога церкви. Задержаны 3 священника, ктитори и сторожа.

ПЕТЕРБУРГЪ, 1 окт. Газета „Россія“ въ передовой статьѣ, посвященной резолюціи союза 17 окт., отмѣчаетъ, что истинныя друзья мирнаго развитія въ Россіи широкихъ, но послѣдовательныхъ преобразований, согласно манифесту 17 окт., ожидали, что эта резолюція будетъ соответствовать ихъ стремленіямъ. Резолюція опубликована, и часть общества, считающая революціонное движеніе непримиримымъ врагомъ истинной свободы и плодотворнаго труда, почерпаетъ въ ней новую увѣренность въ силу и правоту своихъ убѣжденій. Газета привѣтствуетъ твердое и определенное выраженіе союзомъ 17 окт. его программы, ибо въ ней правильно определено взаимное отношеніе между отдѣльными партіями и правительствомъ. Русское правительство не является правительствомъ какой-либо партіи, оно осуществляетъ задачи, предуказанныя Монархомъ. Правительство не отдѣляетъ себя отъ общества, но не отказывается отъ своего рѣшающаго значенія и не требуетъ, чтобы общественныя группы отказались отъ своей независимости. При солидарности взглядовъ извѣстной партіи со взглядами правительства на основныя особыя задачи политическаго момента, независимость партіи только углубляетъ значеніе результатовъ подобной совмѣстной работы.

Официальные извѣстія по епархіи.

СПИСОКЪ

служащихъ въ Лысковскомъ дух. училищѣ въ началѣ 1906—1907 учебн. года.

Смотритель училища, канд. бог., ст. сов. Михаилъ Николаевичъ Масловскій, сынъ протоіерея, родомъ изъ Пензенской губерніи. По окончаніи въ 1858 году курса въ Казанской дух. Академіи, опредѣленъ на должность смотрителя означеннаго училища; состоитъ членомъ Макарьевского уѣздн. Отд. Нижегород. Епарх. Училищ. Совѣта; съ 29 марта 1900 года по 23 августа 1903 года состоялъ испр. д. предсѣдателя означеннаго отдѣленія; съ 29-го августа 1903 года утверждёнъ въ званіи почетнаго члена Братства Св. Георгія; имѣеть орденъ: св. Владиміра 3 и 4 ст., св. Анны 2 и 3 ст. и Станислава 2 и 3 ст. и знакъ 40-лѣтней безпорочной службы; женатъ; имѣеть сына, состоящаго на государственной службѣ.

Помощникъ смотрителя, ст. сов. Василій Феодоровичъ Счастневъ, сынъ священника, нынѣ епископа, родомъ Нижегородской губерніи, канд. Казанской дух. Академіи 1892 года; въ томъ же году опредѣленъ въ учителя Лысковскаго духовнаго училища; съ 17 марта 1904 года—помощникъ смотрителя того же училища; съ 1900 года состоитъ членомъ Макарьевского уѣздн. Отд. Епарх. Училищ. Совѣта; имѣеть орденъ Станислава 3 ст.; женатъ; дѣтей не имѣеть.

Старшій преподаватель, занимающій уроки латинскаго языка, ст. сов. Николай Степановичъ Минервинъ, сынъ псаломщика, родомъ изъ Новгородской губерніи, канд. Московской духовной Академіи 1886 года; въ 1887 году помощникъ инспектора Витебской духовной семинаріи; въ 1890 году по-

мощникъ смотрителя Витебскаго дух. училища; въ 1894 году преподаватель Лысковскаго духовнаго училища; 26 октября 1904 года назначенъ членомъ правленія училища и дѣлопроизводителемъ; имѣеть орденъ св. Анны 3 ст.; холостъ.

Учитель географіи и ариѳметики, ст. сов. Николай Георгиевичъ Поповъ, сынъ крестьянина Тифлисской губерніи, канд. Московской духовной Академіи 1883 года; въ 1883 году опредѣленъ учителемъ географіи и ариѳметики починковскаго дух. училища; съ 1895 года—помощникъ смотрителя того же училища; съ 16 октября 1904 года—учитель Лысковскаго духов. училища; имѣеть орденъ Станислава 3 ст.; женатъ; имѣеть 5 человѣкъ дѣтей.

Учитель греческаго языка, ст. сов. Михаилъ Евгеньевичъ Соколовъ, сынъ священника, родомъ изъ Саратовской губерніи, канд. Казанской духовной Академіи 1885 года; въ 1885 году—преподаватель философскихъ наукъ въ Сибирской дух. семинаріи; въ 1889 г. учитель греческаго языка Петровскаго дух. училища; 16-го августа 1905 г. опредѣленъ учителемъ Лысковскаго дух. училища; съ 16 ноября 1902 г. состоитъ дѣйств. членомъ Саратовской губ. ученой Архивной Комиссіи; имѣеть орденъ св. Анны 3 ст.; холостъ.

Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ во 2, 3 и 4 классахъ, колл. сов. Сергій Алексѣевичъ Коноплевъ, сынъ священника, родомъ изъ Вологодской губерніи, канд. Казанской дух. Академіи 1894 года; съ 1894 года состоялъ въ должности преподавателя по русскому языку и гражд. исторіи въ Вологодскомъ епарх. женск. училищѣ; съ 1897 г. опредѣленъ учителемъ въ Лысковское дух. училище; имѣеть орденъ св. Анны 3 ст.; женатъ; имѣеть сына.

Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1 и приготовительномъ классахъ священникъ Алексій Петровичъ Раевскій, сынъ священника, родомъ изъ Нижегородской губерніи, студентъ нижегород. семинаріи 1898 г.; съ 1898 года—учитель церковно-приходской школы въ деревнѣ Костенево, базарн. уѣздъ; съ 1899 года—учитель второклассной церковно-прих. школы въ с. Покровскомъ-Майданѣ, васьинскаго уѣзда; 23 августа 1900 г. учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1 классѣ Лысковскаго духовнаго училища; 31-го августа 1900 г. поручено ему преподаваніе русскаго языка въ приготовительномъ классѣ училища; въ томъ же году 21 сентября допущенъ къ испр. долж. втораго надзирателя; женатъ; имѣеть двоихъ дѣтей.

Учитель чистописанія, колл. рег. Иванъ Евгеньевичъ Лавровъ, сынъ діакона, родомъ изъ Нижегородской губерніи, студентъ нижегород. семинаріи 1864 г.; въ томъ же году преподаватель краткой Священной Исторіи, краткаго Катихизиса, славяно-русскаго чтенія, церковнаго пѣнія и чистописанія въ низшемъ отдѣленіи Лысковскаго училища; въ 1867 г.—преподаватель латинскаго языка въ старшихъ классахъ того же училища; въ 1875 г. по прошенію за болѣзнію уволенъ отъ училищной службѣ; съ 1884 года состоитъ учителемъ чистописанія въ училищѣ; съ 10 октября 1900 г. преподаетъ Законъ Божій въ подготов. классѣ; женатъ; имѣеть сына, находящагося на государственной службѣ.

Надзиратель за воспитанниками студентъ семинаріи Александръ Семеновичъ Вагановъ, сынъ крестьянина, родомъ изъ Нижегородской губерніи. Окончилъ курсъ нижегород. дух. семинаріи въ юнѣ мѣсяцѣ 1903 г.; 19 января 1904 г.—учитель Сормовской двухклассной церковно-прих. школы; съ 1 сентября 1905 г. допущенъ къ и. д. надзирателя за воспитанниками при означенномъ училищѣ; 16 декабря 1905 г. утверждёнъ въ означенной должности; холостъ.

Редакторъ *Н. Боголюбовъ.*